

СТЕПАН МАЗУР

[18+]

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

САМАЯ ПСИХОЛОГ

18+

Та самая психолог

Степан Мазур

Та самая психолог 2

«Автор»

2026

Мазур С.

Та самая психолог 2 / С. Мазур — «Автор», 2026 — (Та самая психолог)

ISBN 978-5-907465-86-2

Начинающий психотерапевт Кира Солнцева снова в деле! Поток клиентов растёт, даже появляются постоянные люди в рабочем кабинете. Некоторые из них становятся настолько близкими, что хоть клуб заводи. Да и старые друзья скучать не дают. Ещё дома бедлам и похоже на то, что придётся обновлять интерьер. Но это ничего, ведь рядом появился красавчик-сосед, который поможет. Ещё и Вова обещал приехать – друг из детства, который на в ремонте мастер. Так что проблемы решаемы, но тут выясняется, что в Альтер-эго Любу влюбился один немецкий дирижёр. И что с этим делать Кире только предстоит понять. А тут ещё родители решили, что дочь безнадежна. Но ничего, разгребёт завалы, и враги будут повержены секретным психологическим подходом.

ISBN 978-5-907465-86-2

© Мазур С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 – Утро добрым не бывает	5
Глава 2 – Явление чумы народу	12
Глава 3 – Мокрое дело	18
Глава 4 – Лети, Германик!	25
Глава 5 – Земля – круглая	31
Глава 6 – Чистота – залог здоровья	37
Глава 7 – Ищу мужа, недорого	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Степан Мазур

Та самая психолог 2

Глава 1 – Утро добрым не бывает

город Ростов-на-Дону.
Середина осени, 2021 год.

Это утро было приятным. Усатый как сытый ёж и голубоглазый как само летнее небо доставщик пиццы протянул Кире пиццу «четыре сыра» и приятным баритоном заявил:

– Завтракаете? Платить не нужно. Вы наш тысячный клиент, так что заказ бесплатный.

– Да? О, у меня такое впервые! – заворковала Солнцева, получив порцию тепла и принятая словно от самой Вселенной. Вроде как впахиваешь-впахиваешь по жизни и ничего хорошего уже не ждёшь, а тут – бац! Подарочек. Небольшой, но бонус. Приятно.

– А хотите ещё и... кхм? – и тут доставщик кашлянул и так выразительно поскрёб свои пышный усы, что Солнцева сразу поняла. Это – оно!

Ошибки быть не может. Усы любви настигли и её! А их носитель хочет предложить ей куни, причём без дальнейших обязательств. Потому что иначе она просто закроет перед ним дверь или поставит одну звезду. Если, конечно, просто лично не позвонит в техподдержку, а то она себе уже всё надумала и пусть там сами отчитываются как хотят.

– Что, простите? Кхм? – повторила она, чтобы точно не ошибиться перед тем, как огреть приятного молодого человека коробкой с пиццей, если это шутка, а тело уже отреагировало. И она настроилась.

Какие могут быть шутки к тридцати годам? В этом возрасте во всём должна быть ясность!

– Хотите кхм? – повторил настойчивый доставщик пиццы и разгладил усы пальцами уже так, как будто вытирал их после того, как они пропитались соусом.

Её соусом.

Возможный поставщик этих «соков добра» стоял перед ним. Загадочная милфа с полотенцем на голове и в лёгком халатике после душа, а что под ним – загадка.

Но если под халатом рентгеновское зрение ещё может что-то дорисовать, обозначая контуры, то что скрывается под черепной коробкой женщины к её тридцати годам, не рискнём гадать даже сам дьявол!

– Что значит «кхм»? – повторила Кира. Уже настойчивее.

Ей всё-таки на работу надо, а не ребусы гадать в коридоре. Да, будет завтракать пиццей. Да, вредно, но и любая работа – вредная. А минус на минус даёт плюс.

– Хотите? – уже пожирал её одними глазами доставщик пиццы.

– Хочу, – ответила она тихо, но тут в желудке так громко булькнуло с голодухи, что он мог и не расслышать.

– Что, простите? – уточнил уже он.

– ХОЧУ! – крикнула Кира уже как следует и тут же распахнула глаза.

Пиццы перед глазами больше не было. Как и усатого доставщика, похожего на одного из голливудских красавчиков в самом расцвете сил. Зато прямо перед ней, аккурат между глаз, на неё вперилось око Саурана, по всей видимости собираясь распознать все её страхи.

Кира моргнула раз, моргнула два, скосила глаза и вдруг поняла, что её утро началось с созерцания... ЖОПЫ КОТА!

– Лютый, бляха-муха! – всплеснула она руками, чтобы отогнать настырное животное.

Но рыжий как созревший апельсинчик кот и ухом не повёл. Только лениво повернулся к ней передом, присел на грудь на все четыре лапы, и заявил:

– А-а, ты уже проснулась? А я ночью без дела не сидел. Там тебе аккуратно разложил всю шерсть обратно, которую ты вчера убрала.

Конечно, кот по обыкновению сказал лишь «мяу», но без меры расшалившиеся за осень воображение Солнцевой дополняло каждому их диалогу свои «слова», чтобы по жизни не скучать. Так они и жили: психотерапевт и кот, которого родители не торопились забирать обратно. Было ли это весело? Нет. Но подсознание всегда находило выход и делало мир вокруг чуточку прекрасней, подстраивая обстоятельства под себя.

– За что мне всё это? – тут же подскочила Кира и присела на край кровати, ни живая, ни мёртвая.

Как всегда, кот разбудил с утра пораньше. Действуя вместо будильника, первый день пропуска завтрака он простил, но уже на другой принялся устраивать ответственный фэйс-ситтинг.

Проснётся Кира от движений на одеяле, а её жопа целует вместо Брэда Питовича!

Бодрило это ничуть не хуже ледяного душа. И честно говоря, пары раз подобных проявлений чувств с утра пораньше хватило, чтобы начала просыпаться до будильника. На час, а то и на два. Но исключительно для того, чтобы пройтись до кухни привидением, насыпать корма в миску, обновить воду и снова улечься спать.

Вот и сейчас девушка в свои не полные 30 лет мозг не включала. Тело само знало, что делать, выполняя заезженную схему: «пройдись-насыпь-вернись-отключись». И только Кира присела обратно на кровать, как улыбнулась.

Память об усатом доставщике всё же перевесила. Этот сон был настолько приятен, что легко мог заменить секс. Да что там секс? Шоколадку! Молочную! И кофе. С сахаром и молоком. Иначе какой смысл в кофе, если его нельзя смешать со всеми престестями в жизни и испить до дна?

В животе заурчало, как будто не ела неделю. В то же время заныл и низ живота. Как же ей хотелось мужчину! Настолько, что сон как рукой сняло. Оглянулась. В комнате никого. Кот со всем аппетитом хрустел подушечками на кухне. Тут же нырнула под покрывало на одеяле, которое стелила, пока не дали отопление и было довольно зябко, а рука, соответственно, нырнула в трусики, чтобы проснуться и согреться.

Накатило сразу и мощно, аж в глазах круги поплыли. В какой-то момент Кира не сдержалась и вскрикнула:

– О, да! Давайте, мои усы любви, сделайте мне приятно! Поработайте как следует! А с меня, так уж и быть – чаевые!

На этот раз Вселенная на ещё щедрость ответила своеобразно. Вместо знаменитого актёра из Голливудска, она послала ей рыжего, неутомимого и по-своему красивого аналога в самом расцвете сил. Как и положено – усатого.

Стремительно ворвавшись в комнату на зов хозяйки, этот герой тут же распознал угрозу на кровати и не думая ни секунды, впился зубами в покрывало!

– Люты-ы-ый, мудила! Твою ж кошачью бабушку!

На этот раз уже мысли о сексе смыло как тушь начинающей проститутки под дождём. Такой близкий оргазм сказал «досвидули!» и словно навсегда покинул спальню... вместе с котом-победителем.

– Я тебя кастрирую! – пообещала вслед ему Солнцева, дую на руку.

Конечно, кричала не со зла, а исключительно из-за обиды. Ведь покрывало, в отличие от одеяла, которое осталось под ней, было тонким. И острые когти прошлись по шаловливой руке как следует, оставив на память глубокие кровавые полосы.

«Вот это я понимаю следы не состоявшейся любви!» – тут же появилась Люба рядом: «Хорошо ещё, что ты не мужик. А то впился бы с сам причиндал и доктора потом с утра смеялись».

Своеобразная поддержка Альтер-эго всегда бесила. Чаще Люба просто чмырила и доби-вало Солнцеву, как плохая подруга. А ещё приводила в жизнь непонятных Кире людей. Взять хотя бы ситуацию с немецким карликом-дирижёром Генрихом Маливанским, с которым «чуть было не было», где искусство было лишь предлогом, а все в иностранном оркестре давно пере-любились, как в плохом, но долгом сериале.

Поверженная, молчаливая и не выспавшаяся, Кира поднялась и поплелась на кухню. Да, в первые разы после того, как её оцарапали, она тут же мыла руки с мылом, клеила пластыри, а один раз едва бинтом не перемоталась, предварительно все раны обработав йодом. Но потом, узнав у мамы, что у кота стоят все прививки, в том числе и от бешенства, подуспокоилась по этой теме и в дальнейшем на полоски на коже старалась не обращать внимания.

Сами зарастут. Для того человеческая кожа и имеет свойство регенерировать.

Сев вместо перевязочных процедур в ванной за стол на кухне, Кира включила кофеварку и подтянув к себе блокнот с записями, в котором покоилась и ручка, открыла новую страницу и написала размашисто первый пункт:

Героически найти себе проблемы в начале дня.

Что написать дальше, она пока не знала. Мозг ещё не включился. Тогда как накормлен-ный кот, тут же принялся виться у ног, словно прося прощения. Посмотрев на него с удивле-нием, Кира сказала:

– Что, стыдно тебе? Или яйца не хочешь терять?

Кот тут же поднял на неё тяжёлый взгляд и с полным непониманием на морде «ответил»:

– В каком смысле «стыдно»? Я спас тебя от удава под укрытием! Он, очевидно, полз, чтобы задушить тебя во сне. Они знаешь, какие сильные?

– Жопа ты рыжая, а не спаситель! – возмутилась Кира и показала ему поцарапанную руку.

На что Лютый тут же посмотрел в сторону ванной:

– О, это ты ещё лоток не видела. Там что-то размером с твою руку лежит. Уже пару минут, как. Мне даже материала не хватило, чтобы всё закапать. Почему ты выделяешь мне так мало этого сыпучего вещества? Я что, по-твоему, буду его есть? Ты в своём уме?

– Ай, отстань! – отмахнулась Кира и стараясь не ощущать саднящую боль на тыльной стороне ладони, так резко схватила стеклянную ёмкость из кофеварки, что часть выплеснулась на другую руку, вновь придав бодрости.

Если какие-то частицы сна и оставались в ней, то теперь заряда гнева и негодования было по уровню столько, что хватило бы до вечера... 2030 года!

– А-а-а! Да вашу ж мать! – подскочила Кира и принялась со злости мыться, одеваться и наводить дома порядок.

На эмоциях это всегда получалось быстро, а главное – качественно. И пока время не позво-ляло включить пылесос, она прошлась по квартире влажной уборкой и даже отёрла жирные пятна на стене рядом с плитой, до чего предыдущие месяцы просто не доходили руки.

Кот всё это время спал на её кровати, пока не выгнала, застелив её. Но стоило включить пылесос, когда почти наступили положенные для шума часы, как он тут же спрятался в шкафу, откуда проорал:

– Убери! Убери этого зверя!

– С чего это? – добавила она злорадно.

– Он же меры не знает! – крикнул кот, воровато выглядывая с верхней полки по сколь-зящему по полу монстру, которого он был победить пока не в силах, (так как недостаточно позавтракал).

– А ты знаешь?

– Я же всегда за тебя! – заявил Лютый и принялся перечислять аргументы. – Всю шерсть тебе. Тепло моей шкуры – тебе. Даже на дне тарелки специально не доедаю вкусняшки, чтобы подсохло, и ты могла вечером покушать. Мокрое то тебе зачем? Мокро я, если что, я и в кроксах твоих могу сделать! Я же вчера тебе даже принёс на подушку огрызок от яблока, который ты так глупо закинула в помойное ведро. А там ещё есть и есть было! Так чего тебе ещё от меня надо, глупый человек? Я и так позволяю себе у тебя жить.

– Ласки! Хоть немного ласки хочу! И – понимания! – крикнула в ответ Кира, бешено хренача трубой от пылесоса по всем углам, плинтусам и шкафу, пока убиралась.

Дальше всё вокруг как на перемотке: помылась-собралась-вышла из квартиры, а там... Толя стоит. Сосед. Лифт с её этажа вызывает. Со своего теперь не работает. Мебель старую из квартиры выносит, а сам сонный-сонный.

– Ты чего, не выспался, что ли? – с пониманием к этому делу спросила Солнцева.

– Ага, долбаный ремонт. Ещё пропылесосить кто-то решил с утра пораньше, – ответил он, заходя в кабинку вместе с ней и с перекладной от дивана. – А ещё кто-то орал как резанный всё утро, и будто сам с собой разговаривал. Или мне это приснилось? Короче, так и не выспался со всеми этими звуками. Усталость накапливается. Правильно говорят, что если начал ремонт, то это надолго.

Щёки Киры покраснели. Внешне старалась не подавать виду. Ну пылесосят и пылесосят, а внутри тут же пообещала себе купить робот-пылесос. Те, говорят, потише себя ведут, чем она в гневе.

– Приятного дня, Толь, – добавила она и поспешила от подъезда уже на работу.

Пешая прогулка обычно подбрила её и придавала сил. Но на этот раз холодный ветер дул в лицо, быстро остужая щёки. Так и поняла, что быстрее шапку вместе берета оденет, чем отопление дома дадут. Потому что днем и вечером дома довольно тепло, ночью все спят, а утро – это не про людей. Утро это для грустных собачников или разгневанных кошатников, спешащих на работу.

Оттаяв на работе за пару минут, переделалась и окинула взглядом кабинет. Прохладно. Закрыла окно, накинула халат поверх платья. До следующей клиентки оставалось ещё несколько минут.

– Надо бы перекрасить стены, – сказала психолог самой себе. – В зелёный. Такой тёмный, статный, благородный зелёный.

«Нахрена? Ты же только что сделала ремонт, ещё и квартал не прошёл», – тут же возразила Люба.

Но Кира её не слушала. В отличие от характера Лютого, ремонт и обновление всё же зависели от неё. А практика последних месяцев придала ей немного уверенности в себе. Во всяком случае, тех тревожных колебаний, которые были в самом начале карьеры, перед приходом каждого нового клиента, уже не появлялось.

– Да, зелёный, – повторила она вслух. – И ещё больше дерева. Деревянные балки на потолке придадут основательности и уюта, будто клиент забрёл в домик лесничего, в котором и теплота от камина, и беспристрастность мнений, и возможность увидеть себя с метапозиции.

«И зачем это всё»? – не понял Альтер-эго.

– Как зачем? Чтобы сделать верный выбор, – ответила психолог, вспоминая про себя всю информацию, что помнила о клиенте.

Кира не любила растягивать сессии на длительный период. Взрослому человеку с развитым эмоциональным интеллектом это не нужно. Но сложнее было, когда обращались травмы. То есть люди с травмами. Вне зависимости от того, физические они или душевные, это требовало более длительной и тщательной проработки, вплоть до рутины, что иногда навевало тоску, так как немного разнилось с быстрым темпом и темпераментом самой Киры. Солнцева

любила перемены, любила движение, чтобы смена картинок из жизни мелькала как слайды киноленты: вжух-вжух-вжух!

«Разве что момент оргазма хотелось бы чуток продлить», – тут же добавила Люба и эта мысль заставила Киру игриво улыбнуться.

Стук в дверь. Пора работать.

В кабинете появилась молодая женщина Бальзаковского возраста. То есть в районе от 30, (если удачно окрасилась и сходила к косметологу) до 40 (если пришла из дома вся зарёванная и не занималась собой уже пару дней). А если брать по золотой середине, то ей где-то 35. Выглядела стройной, ухоженной, светлые длинные волосы отливали пшеничным оттенком.

«Вероятно, на солнце они бы выглядели как блестящее турецкое золото», – прикинула Кира, которой очень хотелось слетать в Турцию, пока не дали отопление.

Губы клиентки были пухлые, жирно намазаны розовым блеском. Но не обратила бы на это внимание, если не брови. Брови в данном случае были говорящими. И в основном говорили о том, что у женщины низкая самооценка, а сама она с большей долей вероятности из провинции. Потому что уверенная в себе женщина в городе не будет наращивать себе толстые, почти как гусеницы ресницы, которые просто уничтожали весь остальной приятный образ и просто сбивали с толку.

– Присаживайтесь, – одернула себя Солнцева. – И давайте знакомиться.

Кира представилась, сказала пару слов о себе и о правилах работы и передала эстафету клиентке.

Немного смущаясь, молодая женщина начала свой рассказ. Её звали Миланой. Ей было тридцать два года. Она была замужем за мужчиной-кавказцем, который принял её с дочерью в свою семью.

– А общие дети у вас есть? – спросила Солнцева.

– Нет, детей Бог не дал, – ответила Милана и в груди её что-то сжалось, что заставило её издать звук, похожий на тяжёлый выдох после спазмирующей боли. – Вот опять это состояние, – призналась она. – Я, собственно, и решила обратиться за помощью, так как эти физические ощущения в теле не дают мне покоя.

Кира отметила в голове: Спазм после слов: «детей Бог не дал».

– Расскажите поподробнее, пожалуйста.

– Мы живём вместе вот уже третий год, а год назад начались эти странные ощущения в теле, – начала она свой рассказ. – Меня всю сковывает, сжимает, не хватает воздуха, сознание путается, будто я это не я.

Кира свела брови на переносице:

– Можете вспомнить как это началось?

– Первый раз я почувствовала подобное, когда мы только съехались с мужем. Знаете, это странно. Ведь всё было так романтично. Я приехала к нему первый раз, дочку тогда оставила специально у родителей, чтобы побыть вдвоем. Мы гуляли за руки, поужинали в ресторане, вечером дома снова романтика. А на утро, я проснулась от того, что он ходит по дому и ворчит, что я долго сплю, что он встал, а стол не накрыт, что дел невпроворот, рубашка не поглажена и прочая чушь, о которой я и думать не могла.

Кира кивнула, продолжая внимательно слушать.

– Я была уверена, что утро будет в объятиях, и завтрак мы приготовим вместе. Ну или сходим куда-нибудь, – продолжила клиентка. – Но с каждым днём таких придириков становилось всё больше и больше. Он был недоволен мною как хозяйкой, ему не нравилась моя еда. Но самое удивительное, что когда мы ругались и я высказывала ему всё, что я думаю по этому поводу, всё проходило. Мы могли не разговаривать друг с другом днями, но мне было хорошо. Мой разум оставался чист, тело было спокойно. Да и он не придирился. Мы просто встречались

в доме как квартиросъемщики. А потом помирились, занимались сексом и... снова всё повторялось.

Иногда тело понимает больше, чем разум.

– А почему у вас нет детей? – спросила Кира в лоб.

– Он не хочет! Говорит, ещё рано. Мол, ему нужно развивать бизнес и гарантировать своему ребёнку безбедную жизнь.

– То есть своему ребёнку ему важно гарантировать безбедную жизнь, а Вам и вашему ребёнку это не нужно? – тут же уточнила Солнцева, обожая детали.

И снова в груди женщины что-то защемило, и она издала этот звук вместо ответа. Тогда Кира поправила очки, давая минуточку женщине собраться с мыслями, и только после этого продолжила:

– Скажите, мне вот что любопытно, а почему вы, такая красивая и эффектная блондинка, выбрали себе в мужа кавказца? Это же совсем другая история, другие традиции. Почему не мужчина вашей национальности, темперамента, веры, если хотите?

– Мне всегда нравился Кавказ, кавказские мужчины, их отношение к женщине! – тут же взяла она вопрос в штыки.

– То есть вот такой жёсткий дискриминирующий патриархат, который демонстрирует вам муж – это то, чего вы хотели? – уточнила Кира, даже не думая обруливать неудобные темы, так как для подсознания неудобных тем нет, оно всегда идёт напролом.

– Нет – это то, на что я злюсь, – уточнила Милана. – Но я знаю, что он меня любит... просто ему сложно.

– Что вы имеете в виду?

На секунду показалось, что клиентка вновь издаст этот звук, но на этот раз она себя пересилила и просто ответила:

– Дело в том, что его родители не одобрили его выбор, – после секундной заминки, она продолжила. – Они не приняли меня.

– В чём это выражается? Вас унижают?

– Напрямую нет, но... меня часто не приглашают на семейные праздники, – уже совершенно нормально выдохнула женщина. – Он чаще ходит один. Меня игнорируют в беседах, будто не замечают. Мне не говорят, конечно, никаких гадостей в лицо. Но и эти взгляды невозможно не заметить. Я чувствую их пренебрежение. А потом, после каждой встречи с отцом и матерью он приходит домой и набрасывается на меня с упрёками по любой мелочи.

– Вас воспринимают как человека второго сорта, так? – вздохнула уже Кира, колко кинув провокацию и отслеживая реакцию. – А почему вы не разведётесь? Вы сирота? Или без работы? Какова ваша финансовая ситуация?

Клиентка, что только что напряглась, взяла минуту на размышление, как будто не знала на какой вопрос ответить первым. Затем выдала:

– Мне кажется, именно поэтому я и пришла, что муж прав и я плохо стараюсь принять их традиции и научиться быть кавказской женщиной.

– Но вы же русская женщина. Зачем вам кем-то казаться? – подёрнула бровью Кира, сделав лёгкий намёк на самоидентификацию. – Не проще ли быть собой?

– Было бы желание... так говорит муж, – добавила она.

Кира посмотрела на часы. Оставалась минута до окончания сессии, хотя плюс минус ей уже было все понятно.

– Встретимся на следующей неделе в это же время. Понаблюдайте за собой и своими состояниями, потом обсудим.

«Наш случай», – добавила Люба, пока Кира сделала пометку в блокноте и подошла к столу, чтобы налить кофе и ещё раз обдумать кейс: «Некоторым женщинам без палки не

понять, чего они хотят. А когда поднимают палку, им становится как-то не по себе... Но ты же ей поможешь, не так ли?»

Вопрос оставался открытым.

Глава 2 – Явление чумы народу

Следующий клиент был молодым человеком, родители которого твёрдо решили, что перед поступлением в институт ему не помешает прибраться не только в собственной комнате, но и навести порядок в голове. Как будто самой подготовки к экзаменам, сдачи ЕГЭ и нагрузки в образовательных учреждениях и индивидуальных занятий с репетиторами было недостаточно. Это помимо курсов английского и занятий плаванием, совмещённых с занятиями в музыкальной школе. Тогда как сам клиент по его заверению хотел бы заниматься только фотографией и жизни своей, кроме как стать профессиональным фотографом, не видел.

Перегруженный информационно, измотанный физически, перед ней сидел нервный юноша, что совсем недавно был подростком, затем голос его поломался, плечи раздались в ширь и он понятия не имел, что с этим делать. В добавок ко всему, его звали Елисей. Имя, которое само по себе обязывало учиться огрызаться в обществе и давать отпор. Или стать размазнёй, снося все унижения и выпадки.

Однако, клиент пошёл третьим путём и просто игнорировал большую часть выпадов, стараясь отвечать лишь на самые острые, когда не отвечать уже было нельзя. А помимо этого, единственное, что делал юноша незадолго до своего совершеннолетия, это обсуждал с ней, как «вдует тёлкам» и откровенно развлекался, вместо того, чтобы открыться перед ней и обнажить всё свои страхи.

– Я вот в сердцах не понимаю, чем этот ваш психоанализ от гештальт-терапии отличается? – в какой-то момент признался Елисей, чем заставил Киру задуматься о глубоких познаниях молодого человека. Ведь он был далеко не дурак, раз оперировал подобными терминами.

Единственное, о чём жалела Кира в своей жизни – это то, что курсов по психиатрии она так пока ещё и не окончила. Порой было бы проще разбираться с диагнозами людей, которые вроде живут свою обычную жизнь, но нет-нет и «маячки» их странностей поведения периодически всплывают на поверхность. Например, странная фигура Алексея Борисовича, к которому Кира была вынуждена ездить на дом для работы. Она так и не смогла раскусить его. Да что там раскусить, даже поцарапать не выходило. Ну что это может быть за человек. Больной? Да! Очевидно! Опасный? Да! Вероятно! Человек в свои пятьдесят лет так и не смог ни с кем выстроить отношений. Женщина для него – всегда объект, при этом собственная мать – единственный субъект. И то под вопросом.

«Может, всё ещё сидит в нём какое-то чувство собственного ничтожества перед ней»? – задумалась Кира: «А невозможность говорить о своих переживаниях что значит? А отрицание страха старения и одиночества в пятьдесят? А отсутствие наследника? А жестокое пренебрежительное отношение к женщинам»?

Но какие бы мысли не посещали её, отвлекающие от происходящего в кабинете, она всегда возвращалась в него спустя мгновение. И перед ней сидел явно не псих, а просто молодой человек, которого система с попустительством родителей решила известить ещё в золотые годы. И вот чтобы из него не получилось нового Алексея Борисовича, холодного как лёд и использующего женщин как одноразовые перчатки, ей требовалось так подобрать слова, чтобы запомнились.

– А, ну тут всё просто, – улыбнулась Кира Елисею, довольная тем, что вышли хотя бы на «профессиональную» волну. – Хочешь знать, как работает психоанализ? Объясню методологию. Допустим, ты не доволен, что у тебя чешется и болит жопа. И ты, такой, говоришь: «исправьте ситуацию, пока не расчесал!». А я тебе тут же включаю этот режим и говорю: «Ничего страшного, Елисей. У всех порой чешется. Иногда даже – болит. Распространённое

явление. Расскажи лучше, в каком возрасте у тебя появились мысли о жопе?». И мы начинаем разбираться.

– Круто! – воскликнул клиент. – И легко запомнить.

– Тогда как гештальд ставит вопросы иначе, – продолжила она. – Он просит тебя открыться и рассказать, что ты думаешь в это время, когда у тебя чешется и болит жопа, обнажив для меня все эмоции.

– Кира Эдуардовна, а вы весёлая! – рассмеялся в голос клиент и тут же спросил. – Почему только кольца на пальце не вижу? Все весёлые ведь должны тролить кого-нибудь дома. Вам нужна публика, как любой актрисе.

– Актёрское мастерство всем порой необходимо, но без кольца я лишь потому, что всё время училась. И моё время веселиться только подходит, – увела разговор немного в сторону Кира с личного фронта и тут же вырулила на другую тему. – Давай тогда поиграем в ассоциации, – решила зайти с другого края Солнцева.

– Давайте! – тут же подхватил довольно эрудированный Елисей и взял инициативу в свои руки. – Вот какие образы у вас рождаются в голове, когда слышите слово «утилизатор»?

– Ну... – несколько растерялась психолог, которая сама привыкла задавать вопросы. – Представляю человека, который уничтожает всякий хлам. Например, старые машины.

– А я представляю человека, который лижет уточку! – воскликнул Елисей и заржал на зависть всем коням. – Ути-лизатор! Нет, ну вы поняли?

Кира поиграла бровями, стараясь отвергнуть всё, что на этот счёт думал Фрейд:

– Так, Елисей, ты вроде бы уже вырос из всех этих игрушек с уточками.

– Да, теперь меня интересуют игрушки другого рода, – ответил он и медленно подмигнул, делая «толстый» намёк. – Ну вы поняли...

– Поняла? – отыграла за дурочку Кира, разглядывая забавного кудрявого юнца, который, конечно же, мнил себя центром Вселенной, где чаще фигурировало лишь одно слово – самый. Будь то обаятельный, самый остроумный, самый желанный.

Но по сути самый создающий информационный шум, когда многим хотелось лишь тишину.

– Те, что продаются в секс-шопе! – уточнил клиент. – Но старые дураки говорят, что до восемнадцати лет нам нельзя ничего покупать в секс-шопе. Так как самого понятия «секс» для несовершеннолетних существовать юридически не должно. При этом эти же старые пердуны предлагают нам пользоваться презервативами. А разве презервативы не продаются в секс-шопе? И прочие латексные изделия. Я может, игрушку в виде члена хочу другу подарить на день рождения. Смешную. Или, может, мы с друзьями скинемся и купим ему бабу надувную. Ну или козу. Это же как минимум смешно. Но почему эти глупые запреты работают тогда, когда не надо? Я понимаю, когда запрет идёт на продажу алкоголя и курева, но как они собрались решать демографический кризис, если вместо эротики нам подсовывают учебники, а я просто хочу избавиться от прыщей?

– Так, подожди. У меня много вопросов, – призналась Кира. – Во-первых, почему тебя интересуют надувные игрушки в виде козы?

– Потому что хрюшек не было! – хмыкнул Елисей. – Была ещё надувная собака, но это какой-то зашквар. Вот почему взрослый мир предлагает нам ебать надувных животных, делая их гораздо дешевле и доступнее, чем образы женщин? Я вот, может, андроида хотел бы купить. С вагиной вибрирующей. Всё как положено. Даже в кредит. Но карманных денег у меня хватает только на козу. И то в складчину. Другу. Конечно, можно пойти простым путём и игнорируя всякие презервативы, просто заниматься сексом с девчонкой попроще. Но я не думаю, что заделать следом ребёнка и самому при этом учиться, чтобы ещё только найти работу, это хорошая идея. Так откуда столько лицемерия во взрослом мире? Они заставляют нас читать рассказы об изнасилованных крестьянках и утопленных собаках, но рассчитывают на адекват-

ное поведение? Да даже в детских сказках колобка схавали до последней крошки, как блинчик за завтраком, а ведь он был личностью! Так у кого мне было адекватности учиться? У Маши, что с медведем жила и которую родители бросили? У Ивана-дурака, что либо, из лужи пил, пока козлом не стал, либо на лягушке женился, ну чисто чтобы попробовать. Я поэтому ни разу не удивлён, что мои сверстники собакой хотят стать, чтобы об этом просто не думать. А некоторые в такой строгости живут, что и собаку то завести не могут. Так они придумали другой выход – гулять с воображаемой собакой! Хоббидоггинг называется. Но нет, взрослый мир начинает ворчать, даже когда подростки ходят по улице с поводком на проволоке, к которому ошейник приделан. А всё потому, что вас без разницы, чем мы заняты и чем нас пичкать, вам важнее то, чтобы мы проложили ваши дела. А дела ваши, я бы сказал, не очень. Что-то я не вижу вокруг небоскрёбов в каждой деревне, как в Дубае. Зато прекрасно вижу то, что передали нам наши деды. Да вся страна живёт на советском наследии! Но вот в чём принципиальное отличие. Там была разумная цензура. А вы предлагаете лишь ничем не обоснованные запреты. Поэтому, когда мне стукнет восемнадцать, мне одновременно можно идти в армию убивать врагов, проливая свою и их кровь ради высшего блага, но при этом нельзя употреблять алкоголь, который – о боже! – будет негативно воздействовать на мой организм, что конечно же, отразится на нём в дальнейшем. Но что там, вообще, в том вашем будущем будет, которое вы для нас строите? Не думаю, что хотел бы дожить там до пенсионного возраста. Поэтому мой вердикт, Кира Эдуардовна, просто. Мне нужны сиськи. Именно в этом возрасте. А потом мне, как и вам, уже ничего не будет нужно.

– Так, погоди, – нервно улыбнулась Кира от потока информации. – Во взрослом мире не всё плохо. Но, походу, ты просто... не желаешь взрослеть?

– Не то, чтобы не желаю, – уклончиво ответил Елисей, – но и восторга от этого не испытываю. Взрослый мир полон запретов. У вас же всех лица серые.

– Но ведь без запретов тоже никак. Это сразу приведёт к анархии, – тут же попыталась защитить взрослый мир Кира. – Все просто начнут бить друг друга на улице и... и...

– ... что что? Перестанут платить по квитанциям? – прищурился юноша и победно откинулся на стуле. – Но вся эта хрень с банками, платёжками, налогами и прочими обязательствами это как раз средство удержания человека в рамках, которые со временем начинают душить. Не похоже ли это на захват питона или анаконды?

Кира замолкла, переваривая информацию. Порой и её внутренний пиздюк сопротивлялся и пытался всё отмотать назад, в тот мир, где она всё ещё папина принцесса и видно только переднюю сторону радужного пони.

Спасли часы, показавшие конец сеанса.

– А насчёт этого мы поговорим в следующий раз, Елисей, – победно подскочила Солнцева из-за стола, но парень в кресле посмотрел на неё так, что даже домашнее задание расхотелось давать.

В глазах по ту сторону, душа требует развлечений.

«Потому и протестует против всего и вся», – добавила Люба: «Его просто слишком нагрузили в последнее время. А рано или поздно на любой плотине случается перелив, если вовремя не открывать шлюзы».

– Давай так, Елисей. Если соберёте деньги на надувную куклу «другу», так уж и быть, я сама вам её куплю. А о козах и хрюшках больше не думай. Договорились?

В глазах юноши мелькнуло недоумение, а затем надежда.

– Правда?.. Нет, вы сейчас серьёзно?

– К сожалению, взрослым приходится держать слово, – кивнула Кира и проводила его до двери, пока не продолжил общение. – Бывай!

Взрослый мир немало перегибает, бряцая оружием. Украд у молодого поколения стремление к звёздам, он заменил её имитацией в виде виртуальных миров. Тогда как натуральный

мир вдруг принялись «подкрашивать» дополненным миром. Но покемоны на фоне свалки – это всё ещё жизнь на свалке.

Кира вернулась домой без сил. Посреди коридора стоял кот. А прямо между ними висела сползшая вниз по стене обои, на которое животное смотрело внимательнее, чем на временную хозяйку.

– Лютый... не надо, – выставила руку перед собой Кира, одновременно разуваясь другой рукой.

Вроде же только ремонт закончила. Почему обои подвели?

– И что ты мне сделаешь? – предупредил кот, подходя всё ближе к отклеивающемуся краю. – Накажешь? О, да я тогда тебя так накажу, век в сухих тапках ходить не будешь!

– Да не проживёшь ты век, шерстяное недоразумение! – снова предупредила кота Кира, не глядя вешая пальто на вешалку.

Конечно же, промазала. То упало на пол, собирая на себя шерсть.

«Блин, надо всё-таки роботылесос купить!» – решила Кира, глядя краем глаза на разлетевшуюся от падения шерсть на полу, которую как будто квартал не убрали.

Тогда как мелкая божья коровка, очевидно показавшаяся на свет божий с балкона, привлекла внимание Лютого и этого сыграло роковую роль. Ведь стоило коту прыгнуть на неё, как она подлетела и села на обои, а затем сползла на самый край... злополучной обои.

– Не-е-ет! – крикнула Солнцева, подпрыгивая с места до обоев.

– Сейчас я её поймаю-ю-ю! – возразил ей рыжий кот, впиваясь одной лапой в насекомое, а другое аккуратно в край отклеившихся обоев.

Треск раздался как сердца треск. Сердце на миг бухнуло, а затем ушло в пятки, после чего, сделав круг, встало под горло.

– ТЫ!!! – рыкнула Кира, с печалью глядя как обойный клей отказался сдавать позиции и прекратил немотивированное отклеивание обои, попросту порвав на тот моменте, где его было больше.

Оторвав кусок порядка метра, что ушёл вниз тоненькой полоской, Лютый приземлился с довольным видом. Ведь в лапе его была... божья коровка. Потому тут же отскочив от бесполезного куска обоев, он помчался с ней обратно на оставленный для него открытым балкон.

Кира включила больше света и погладила обои. Мягкие, нежные, красивые, подобранные в тон и по стилю общей обстановке, они теперь зияли серым куском стены. Холодная, злая, она как будто усмехалась над хозяйкой, напоминая, что... «последний рулон тогда забрали в магазине. И таких больше на складе нет, а обрезки ты выкинула на радостях».

– Не-е-ет! – тут же хлопнула ладошкой по стене Кира и сползла на коленки на пол.

Её любимые джинсы тут же собрали рыжую шерсть, а настроение было безнадежно подпорчено. Но в этот же момент её озарило. Весь день пронёсся перед глазами и как будто звёзды на небе сошлись!

Достав телефон из сумочки, она тут же побежала на кухню, на ходу тыкая в контакт.

– Ало, Вова?

– Да, Кира, – зевнул человек по ту сторону динамика, так как это её вечер только начинался, а из-за разницы во времени в Сибири уже отходили ко сну из-за разницы в 3-4 часа.

– Слушай, а ты же в ремонтах шарить? – припомнила она и Толю-соседа, и обои в коридоре.

– Конечно! Я и по ремонтам могу, – тут же взбодрился Вова, уцепившись за новую возможность подзаработать. – А что?

– А то, что мне с соседом надо кое-что отремонтировать. Ну, мне кое-что, а ему – почти всё. Она пока толком только электрику сделал. А всё остальное, так сказать, в «режиме ожидания». Хочешь заняться ремонтом «под ключ»?

– Ну как «заняться»? – хмыкнул Вова Дришев. – Мне же до тебя тысячи километров добираться. Это в Москву сначала лететь, потом до Ростова ещё день на поезде ехать. А я летать боюсь. Не доверяю я железной многотонной хрени, которая под небесами как птица летает. А что если там... шурупы хреново закручены? Что, если гайки плохо завинчены? Да и железо сейчас уже не то делают. Ну его нахрен!

– А если сразу тебе билеты на поезд возьму? Ну, от Новосибирска до Ростова? – подсластила пилюлю Кира. – С пересадкой через Москву, конечно. Да и по времени подольше, зато лететь никуда не придётся. Отдохнёшь пару дней в купе, выспишься, а по приезду сразу за работу возьмёшься. Со свежими силами.

– Ой, не знаю, не знаю. Да я с собой и инструмент-то взять не смогу. Так если только, по мелочи.

– Инструмент мы и тут взять сможем, – тут же прикинула Кира и добавила, вспомнив про обои и обойный клей. – С материалами заодно. У нас же доставка.

– Ну, это уже больше похоже на правду, – заинтересовался сибиряк в поисках работы. – А что по деньгам?

– По деньгам, – повторила Кира и вдруг вспомнила, что платить за работу надо даже старым друзьям. – А по деньгам не обидим, Вова. С соседом сейчас поговорю. Ты как берёшь? За объект при расчёте или почасово?

– Я за квадратный метр беру. Обычно, – немного подумав, ответил Вова, но вспомнив, что имеет дело с подругой дней его суровых, добавил осторожно. – А там большая квартира? Много делать надо?

– Так двушка у соседа. И у меня. Но у меня только обои поклеить, – прикинула Солнцева, но тут поймала недовольный взгляд Лютого. – Точнее, пока только обои, а там посмотрим, – тут же добавила она. – Да средние квартиры, так-то. За неделю управишься, если постараться.

– Неделю на две квартиры? – удивился даже Вова. – Как бы не месяц! А ещё дорогу туда-сюда приплюсуй. Это уже полтора. Да и с тобой мы посидим или как?

– Ну может и... месяц, – уже менее уверенно добавила Кира, прибавив к стоимости месячной работы человека билеты, накинув цену за инструмент и материала.

«А ещё его надо будет кормить!» – тут же добавила Люба.

– Посидим, конечно, – сказала уже не так уверенно Кира и вдруг поняла, что либо Толе придётся жить у неё, либо Володе, так как снимать ещё и гостиницу на месяц точно не вариант. Без последних штанов останется.

«А ещё Лютого надо родителям вернуть», – напомнило Альтер-эго и Кира глубоко задумалась.

Не так уж и просто в наше время поклеить обои.

– Ладно, Вова. Ты тогда спать ложись, – вспомнила про разницу во времени Кира, посмотрев на часы. – А я пока схожу к соседу, обмозгуем. А уже утром созвонимся и обо всё договоримся... Идёт?

– Лады, – ответил друг детства и первым положил трубку.

Кира тут же спустилась к Анатолию Лаврову. Открыл он в своей уже привычной ковбойской шляпе, которая на этот раз была не сплошь в паутине, но вся в белой штукатурке.

– Слушай, Толя. Ты один с этим ремонтом так до самого Нового Года провозишься, – сходу зашла она с козырных карт о взаимовыручке и добропорядочной соседской поддержке.

Сам Анатолий на это предложение лишь расширил глаза и сглотнул.

– И... что ты предлагаешь? – безмерно удивился он, в голове уже прокрутив немало вариантов, когда они съезжаются вместе, а квартиру отдают рабочим на растерзание, а когда бригада отдаст ключи от их нового рая, сами туда переедут или будут сдавать. А ключевое слово там – вместе.

Но Кира имела другие планы и потому добавила:

– Так давай я тебе мужика одного рукастого приведу в помощь. Ну как приведу? Привезу!
– улыбнулась она.

– Да я как-то не планировал, – тут же был сбит с толку Толя, который только-только интернет провёл, чтобы сестра за работу. А все сбережения по жизни и так потратил на квартиру и лишь самое необходимое... включая шляпу.

– Да чего тут планировать? Сейчас Вова приедет и всем нам поможет, – тут же озадачила его Солнцева и принялась расписывать достижения друга в строительном деле лучше всякого резюме.

– А, ну раз во всём разбирается, то... надо брать, – наконец, вздохнул сосед, который и сам безмерно устал от ремонта, мечтая лишь лечь на диван и дня два не двигаться.

– Ну вот и давай билеты ему возьмём для начала, а как приедет, пусть сразу работает, – тут же предложила Кира. – А мы пока денег ему поднакопим за работу. Только надо что-нибудь сразу на материалы отложить и инструменты взять. Расходники всякие.

– Ага, расходники, – добавил уныло Толя, который хотел только всё старое из квартиры вынести, а уже потом делать ремонт. Комнату за комнатой. Не сразу.

В этом году ему бы и стола офисного хватило с компьютерным креслом, куда рабочий компьютер можно поставить. А дальше – по обстоятельствам.

Но с другой стороны, красивые соседки тоже не каждый день с предложениями заходят. И если будет тормозить, то так и не наведутся за солью.

«А в такую квартиру и налоговая не сунется», – подытожил для себя Анатолий и в душе решил оформить кредит.

Один, небольшой, можно, а погасит с первой зарплатой. Айтишники всё-таки на пике спроса. Быстро закроет.

– Ладно, можно и Вову в помощь, – улыбнулся соседке Лавров, продумав все варианты. Что может пойти не так?

Глава 3 – Мокрое дело

Журналист – профессия бойкая, расторопная. На ногах всё время. Лишних килограмм не набрать. Толстый журналист – плохой журналист, а хорошего ноги кормят. Но вот то, что те ноги порой разводятся по заданию редакции, Полина Машонкина даже себе не подозревала. Однако, как отказать начальству, которое нет-нет, да премию выписывает?

При этой мысли девушки Воланд Ферзеперсевич вдруг прекратил движения тазом, затих на некоторое время над ней, а потом поднялся и присел на край кровати. Подчинённая в свою очередь сдвинула «рогатку» и некоторое время смотрела в потолок новой квартиры, гадая, почему директор редакции как раз может себе позволить быть толстым? А как следствие – потным после любых физических упражнений, как будто масло разогрели в микроволновой печи.

Условия вроде простые и понятные для обоих: он снимает ей квартиру без подселения, бросает на самые интересные инфоповоды, повышает зарплату чаще обычного и не забывает про весомые премии, а она с ним... спит. И если по какой-то причине заночует – терпит его храп. И вроде бы какая тут любовь? Так, приспособленчество одного. Но нет. Было в этом процессе что-то ещё. Наставничество? Желание крепкого плеча рядом? Или тот факт, что рано потеряла отца, а этот по возврату подходил и компенсировал того, чего не хватало? Этого Машонкина не знала, но всякий раз обещала себе сходить к психологу и разобраться... С новой премии!

Зазвонил телефон. Директор ответил, перебросился парой фраз, затем повернулся к молодой сотруднице и заявил:

– Вот что, Поля. Нашли нашего карлика.

– Генрих Маливанский который? – уточнила Машонкина, как будто в последнее время в её жизнь только и делали, что вторгались немецкие дирижёры и прочие зарубежные знаменитости.

– Он самый, – проскрипел Воланд Ферзеперсевич. – Собирайся и дуй на железнодорожный вокзал. Там провожать будут с почётным караулом. Репортаж снимаешь – загляденье. Только о штатном фотоаппарате забудь... мой возьми.

– А где он?

– В редакцию заскочи, – вздохнул начальник, как составитель инструкций на флакончике для освежителя воздуха. – В кабинете в шкафчике на третьей справа полке валяется.

Если всё это время к ней обращались не иначе, как по фамилии. То за последние сутки для Полины много чего переменилось. Сначала директор и главред по совместительству на ковёр вызвал. Но не ругать, а хвалить. Потом очки протёр и присмотрелся поближе, как будто в первый раз увидел. Потом в кафе сходили посидеть за чашкой кофе, разговорились и оказалось, что оба группу «Город на Неве» слушают, и «вот бы с концертами к ним приехали».

Дальше – больше! Следом была прогулка, шарики, игрушка мягкая и цветы, как будто в шутку. А очнулись уже в гостинице голенькие и довольные. Дальше, как водится, обещания, тут же подкреплённые реализацией. И уже поутру она съезжает со съёмной комнаты с немногочисленными вещами в новую жизнь, старательно не замечая морщин на лице-холсте и торчащий пупок.

В новой квартире уютно: красивая мебель, дизайнерский ремонт на высоком уровне. А лучше всего, что ей больше не надо ни за что платить. Все расходы по коммуналке, за интернет, связь и за саму квартиру начальник тут же взял на себя.

Но самое интересное в другом. Всё это скорее потому, что всего-то и стоило, что подпустить в кровати, что тут же было принято за высшее достижение в оргазме – сквирт!

Вот и выходит, что она ссыканула, придавленная, а её снова не нарутали, а даже похвалили.

Как это было? Он сначала смотрел так, что глазам своим не верил. Затем заулыбался, довольный, как будто накатил пару рюмок сразу. А когда потрогал рукой простыню и убедился, что не сон и точно мокро, сразу плечи расправил, подбородок повыше сделал и чисто петухом начал ходить среди курятника.

Но другие курочки ни в редакции, ни на улице Воланда Ферзеперсевича больше не интересовали. Одна она ему резко понадобилась – Машонкина... Человек, который выпил слишком много тархуна на прогулке, не рассчитывая на спонтанную близость.

– Я всё поняла... я тогда, пойду? – уточнила журналист, которая повторить подвиг в новой кровати не решилась.

Всё-таки подготовка ко второму разу была куда тщательнее. В ванной комнате не зря все «пеньки» до синевы сбрила. И если бы в мире обитали маленькие гномики, они бы наверняка катались с её блестящего от крема лобка как на горке.

– Иди, конечно, – кивнул начальник, но все же уточнил. – А ты так часто не можешь, да?

– Как так? – отыграла дурочку Полина, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

– Ну... так, как вчера, – уточнил дотошный директор, который во всём любил ясность.

Тогда как самой Полине было не ясно, можно ли обоссать человека ради повышения в карьере? Одни скажут, что некоторых даже следовало бы обосрать, только красивше станут, что душой, что телом. Тогда как другие скажут, что сам погибай, а товарища выручай и ни в коем случае не подставляй. Потому что сколько людей, столько и мнений, а ей разбираться.

«Нет, мне точно пора к мозгоправу», – тут же подумала Полина и начала подбирать слова.

– Да это как-то... через раз получается, – безбожно врала журналист, не горя желанием переезжать с ортопедического матраса широкой кровати формата «квин сайз» обратно на проперженный диван в комнату. – Но думаю в следующий раз всё обязательно получится, Воланд... просто Воланд.

Это было сложно – сразу опускать отчество. И довольствоваться только именем. Но раз он углубился в неё по самое не хочу, то это меньшее, что она могла сделать, сократив обращение.

Он снова заулыбался, расправил плечи. А она, подхватив одежду и выйдя на кухню, вдруг поняла, что человек не может быть эрудитом во всех областях. Бесспорно, начальник знал многое по культуре, музыке, разбирался в естественных науках и увлекался спортом, космосом и хай-теком, но он словно ничегошеньки не знал о женском организме!

«Ну да ладно, мне же лучше», – подумала Машонкина и первой вышла из квартиры, не закрывая дверь на ключ.

По условиям, связка ключей есть у них обоих. Он может прийти внезапно, без предупреждения, среди ночи. Или нагрянуть с утра перед работой. А всё, что от неё требуется, это не иметь дел с мужчинами. Ну а если будет звать подруг, то никаких разрушений в квартире. Все должны вести себя чинно и благородно.

«Как будто вообще существуют такие подруги», – передёрнула плечами Машонкина, которая в гробу тех подруг видела, что со школы, что с института.

Она всегда была белой вороной в женском обществе и из общаги съехала, не оставив телефонов. Но были и минусы. Например, даже депиляцию толком провести воском попросить некого было, а самой – страшно.

Ну а с кем сквирт обсудить Полина вообще себе не представляла. Хоть премию на психолога трать и с ним всё обсуждай. Плюс рассказывай о том, зачем она променяла вольную жизнь на повышение зарплаты и улучшение условий труда и жизни в целом?

– А кто бы не поменял! – возмутилась она вслух, выходя на холодную улицу из красивого подъезда, где не пахло кошками, и каждая ступенька была целой, без сточенных краёв, а плитка

по виду такая блестящая, словно вчера уложили. Даже перила все на месте, не прожжённые и без надписей: «Коля – лох» и «Шнягина – дура, но жопа ничего так». Да только зачем ей та информация?

Но что действительно интересовало Полину, это то, зачем мужикам сдался этот сквирт? Секреты из себя какие-то выдавливать. А она даже не знает, как они наполняются. И где брать ресурс для новых залпов, когда даже со старыми не разобралась.

Нет, вроде понятно, что человек одомашнил волков, сделав из них мелких, послушных особей, и саблезубые тигры больше ему не угрожают, остались лишь небольшие аналоги, которым разрешил мышей ловить под забором или кормом питаться, возлежав на мягких подушках. Но что Хомо Сапиенс о самом человеке то знает? Мозг до конца так и не разгадан. Все комбинации его взаимодействий с телом – тоже.

Проведя следующие полчаса в маршрутке по пути в редакцию, Машонкина попыталась разобраться в вопросе «как сделать мужчин мокрыми, и чтобы им это нравилось?» и углубилась в изучение биологии. Но там тоже – сам чёрт ногу сломит. Одни говорят – да, бывает. Другие – нет, нету. У меня же не было, значит – нету. Третьи вообще говорят, что сами не видели, но друзья рассказывали. Но это мнение обывательское, простое. А сама медицина настаивала лишь на том, что вся закавыка – в голове. Захочет, мол, сильно – кончит тем самым загадочным мокрым салютом. А не захочет – так хоть пытать её будут, но всё равно ничего не поделаеть.

Не выйдет!

– Давай-давай! Выход должен быть! – пробурчала Машонкина статьям в интернете и сайту «как довести женщину до этого, как его... ну вы поняли, короче».

Всё ведь проще пареной репы: выдаст ещё хоть на раз залп на радость шефу, так ей тут же и машину подарят. Ну или хотя бы электросамокат для редакционных заданий. Чтобы сама по городу гоняла, а не по маршруткам ныкалась, от дедов усмехающихся дисплей телефона пряча.

А если не выдаст – то скоро и это потеряет. Жизнь, можно сказать, на паузу поставлена. И перешла в режим ожидания. Вся Вселенная с нетерпением смотрит на неё и спрашивает: «Ну ты чего? Будешь или нет?».

Ответа Полина не знала, как и почему появились плоскоземельщики. Поэтому решила поступить, как любая нормальная женщина.

Симулировать!

В конце концов, никто не говорил, что в сексе можно слегка прививать. Прививают же они в статьях. Да вот почти каждый день врут в новостях, а некоторые даже откровенно – пиздят. И ничего, совесть никого не мучает. Ну а что ей мешает поохать? Закатит глаза, да как следует польёт начинающуюся залысинку Воланда Ферзеперсевича. А там глядишь и рожь заколосится!

«Кто знает? Может, начнут новые волосы расти, если сквирт действительно – панацея для общества», – подумала Полина, проигнорировав всех коллег за подключением к решению этого вопроса.

Она только тенью промелькнула в редакции, молча просочилась до кабинета шефа и показательно открыла дверь выданным ключом. Затем хлопнула дверью, словно подчёркивая новую власть и обновлённый статус по жизни. А когда ощутила облегчение от этого нехитрого дела, включила свет и застыла перед шкафом.

«Какая там полка? Третья? Четвёртая? А слева или справа? Забыла», – подумала девушка, упустив из головы столь важную информацию в процессе поиска точки джи для интересующихся.

Решив, что фотоаппарат большой, и месту ему надо побольше, она начала открывать самые большие отделы. В одном покоилась канцелярия и листы бумаги формата А-4, в другом стоял пыльный глобус, а вот в третьем оказалась зелёная папка с резинкой и большой надписью: «Наконец-то»!

Сначала Полина тут же закрыла отсек и обнаружила фотоаппарат в соседнем. Но когда подхватила гаджет для съёмки, поняла, что снова смотрит на дверцу. Интересно же!

Повесив фотоаппарат через плечо, она оглянулась. Шагов вроде не слышно. Дверь закрыта. Зайти никто не должен.

«Наконец-то... что»? – прикусила губу Полина и разогнала мысль до максимума.

Ощувив странное волнующее возбуждение, быстро достала папку, стянула резинку и едва распахнула заветные страницы, как организм немедленно отреагировал. Её вдруг начал накрывать оргазм! Вроде не сильный, но настойчивый.

Было тому причиной ощущение запретного или длительные размышления о природе женского организма, она не знала. Но ноги вдруг подкосились, и она сползла на пол, а вместе с тем на тело накатила такая тёплая и приятная волна, но с губ сорвался стон.

Она тут же хлопнула себя по лицу ладонью! Прижала пальцы, ударив довольно ощутимо, но боль, вместо того, чтобы привести её в чувства, открыла некую тайную дверь в организме. По телу пробежали мурашки, начиная от самой поясницы и поднимаясь вверх по животу до груди. И хороший неожиданный оргазм моментально перерос в яркий и незабываемый.

«Что происходит»?! – испугалась девушка, когда в глазах потемнело от новой накатившей волны, которая оказалась такой мощной, что накрыла её с головой, перевернула и, видимо, заставила нахлебаться ощущений.

Очнувшись Полина на полу на спине. Тут же проверила фотоаппарат – слава богу, не разбила! Всё-таки сползла на пол как желе. Тут же проверила себя на предмет повреждений: шея ровная, локти на месте, рёбра целы. Единственной, но довольно странной травмой оказалось пятно на джинсах. В районе промежности.

Испугавшись, сначала Машонкина подумала, что ключи от квартиры в кармане порезали кожу. Но тут же она поняла, что карманы пусты. А ключи покоятся в сумочке через плечо. Зато пока проверяла карманы, следом поняла, что пятно внутри гораздо больше, чем снаружи.

Снова оглянувшись на дверь, Полина сунула руку в трусики. И поняла, что заходить в аптеку за смазкой ради вечеров с Воландом больше не придётся. Внутри неё было примерно четверть маленького флакона. А как полоска хлопчатобумажной ткани удерживала остальное, споря с гравитацией, сказать вообще было сложно.

«Какой тут мозгоправ? Тут к сексологу идти нужно!» – тут же решила Машонкина и бочком-бочком подалась в сторону туалета.

Вскоре она уже сидела в интернете с телефона, в поисках достойного специалиста. А если ещё и в своём районе найдёт, то не жизнь, а сказка.

* * *

В тот же день Кира спокойно сидела себе в кабинете в ожидании нового прихода Миланы. И в кабинет вошёл словно совсем другой человек. Как только мозг получает новую информацию, новое знание о себе, все рецепторы включаются в систему и начинают ярко сигнализировать на триггерные моменты. Вот и Милана проделала колоссальную работу над собой в сжатые сроки.

«Вот что значит мотивированный клиент. Обожаю», – добавила Люба за Киру: «Они делают всю работу за тебя, стоит лишь немного подсказать направление».

– Как ваши дела, Милана? – улыбнулась Солнцева, прекрасно видя даже по походке, что тело клиентки раскрепостилось и дело сдвинулось с мёртвой точки.

– Вы знаете, мне стало легче, – призналась клиентка. – Понимание принесло мне облегчение. Я точно замечаю теперь, как теряю себя и свои силы, когда молчу. При этом обретаю уверенность, когда выражаю недовольство и злость. Мне нравится злиться! Мне нравится ловить зачатки злости и вовремя их выражать.

– Как думаете, от чего зависит ваше молчание и периоды действия? – спросила Солнцева.
– Может, какие-то факторы или события на это могут влиять?

Тут щёки Милы немного порозовели, и она призналась, как на духу:

– На той неделе мне снова начал писать мужчина, который в меня влюблен, но в свое время я ему отказала в пользу мужа. Сама не знаю почему.

– И по какой же причине? Чем не угодил вам этот мужчина?

– В том то и дело, что он был слишком хорош. Добрый, заботливый, обеспеченный. А я... я...

«А ты – дура!» – подумала Солнцева про себя, опередив Альтер-эго.

– Получается, слишком хороших вы не достойны? Или они скучны? – уточнила психотерапевт.

– Так я думала раньше, – кивнула Милана.

– А что сейчас?

– Как только он мне написал, – тут клиентка снова сделала паузу, но уже не ту, холодную, от которой её корёжило, а скорее робкую, как и положено хрупкой девушке. – Он сказал, что всё ещё ждёт меня. И внутри меня вспыхнула ярость на мужа при первой же придирки с его стороны! Я выдала ему всё, что о нём думаю!

«Ну может же, когда хочет», – добавила Люба.

– Получается, что ситуация выбора дает вам силы, – прикинула Солнцева. – То есть, я правильно понимаю, что когда на горизонте нет ухажеров – вы теряете веру в себя и силы? Но как только появляется выбор и альтернативы – вы снова в ресурсе?

– Да, так и есть. Плюс – я сейчас финансово независима от мужа. В этом я тоже ощущаю некоторую силу и свободу действий, – и тут Мила откровенно улыбнулась, как будто у неё заранее свалилась гора с плеч. Отсюда и лёгкость в теле.

– Для меня всё уже очевидно, – поняла этот жест Кира. – Похоже, вы уже приняли решение.

– Да, я хочу развестись.

Когда женщина светится, сам мир озаряется вокруг. Только порой причина для того света – мужчина. А порой – его отсутствие. Но когда намерение сформировано, отыгрывать назад смысла уже нет. Нужно лишь время, чтобы увидеть картину прошлого целиком и нарисовать... новую!

Для дамочки напротив ближайший горизонт событий составлял два-три месяца, за который она смогла бы организовать себе несколько свиданий с новым кавалером, обсудить с ним текущее состояние дел и собрать определенную сумму для «подушки безопасности», чтобы чувствовать себя комфортно даже рядом с тем, с кем «как за каменной стеной».

У женщины всегда должен быть план Б. Ведь «Б» значит – безопасность.

«Сеанс окончен, с вас пять тыщ», – подумала, но не сказала вслух Кира, а лишь одобрительно улыбнулась клиентке, продолжая расставлять на её пока пустых полочках новую, красивую посуду, которую можно как разбить в одночасье, так и любоваться или использовать в хозяйстве ближайшие десятилетия, пока решения текущего дня не превратится в раритет...

В ожидании нового клиента, Кира покрутилась на стуле и сунула руку во внешний карман халата. Там всё ещё покоился «выручай-листик», где чёрным по белому стоял только первый пункт: «1. Героически найти себе проблемы в начале дня».

Забыла про листик, так и валялся по карманам, переключиваемый из одного в другой, пока не переключался в халат. Почему же она назвала его Выручай-листик? Да потому, что дальнейшие пункты должны были предоставить последующие решения, а её полёта фантазии не хватало не только на создание новой программы, которая обязательно помогла бы людям, но даже на лёгкое анкетирование для себя в эту неделю с плотным графиком.

– Точно, в зелёный перекрашу, – решила Кира, снова оглядев кабинет и устав от кофе, посмотрела на часы.

Чем занять ближайшие пятнадцать минут? В поиске решения, открыла ящики стола, но не обнаружив ничего интересного, закрыла и подошла к полкам. А там только книги для антуража, статуэтки и пыль. До генеральной уборки новой уборщицы ещё неделя.

Порой она скучала по старому уборщику. Митя-поломой был своеобразный, но забавный. С ним было легко и просто, в отличие от гастербайтеров, лиц которых даже не запоминала. Только вроде Гульнара была, потом какая-то Зульфия, потом вообще Зефира, а когда пришёл ни бельмеса не понимающий по-русски Аланбек, она просто закрыла кабинет и написала арендодателю длинное письмо с требованиями по более рациональному подбору персонала. Как минимум, они должны были уметь произносить её имя!

В дверь неожиданно постучали. Странно-знакомо. Три раза, быстро.

Кира посмотрела на часы, до клиента ещё четырнадцать минут, а раньше она не запускала, как и не любила тех, кто опаздывает. Но опаздывали они, как правило, за их счёт. Так что вопрос решался сам собой.

– Куда спешим? – хмыкнула Кира и открыла дверь.

А там букет стоит! Из белых лилий в яркой упаковке. Такой красивый и богатый, что сердце невольно в пятки ушло. Вот бы ей молодые люди такие букеты дарили!

– Привет! – вдруг заявил человек за букетом и чуть опустив его, показалась улыбочивая голова с рядом белых, ровных зубов.

– Митя? – безмерно удивилась Солнцева.

– Кира Эдуардовна! – тут же вручил он букет, сунув его прямо в руки. – Это вам!

– Спасибо, но... не называй меня по отчеству, – приняла подарок, изрядно смутившись неожиданной встрече психотерапевт. – Проходи-проходи. Не стой на пороге. А... по какому поводу дары?

– Да я так, заскочил вас проверить, – донёс свою мысль Митя, перешагнув через порог кабинета следом и вручив вдобавок и большую коробку конфет с ассорти из европейского шоколада.

– Митя, ты меня удивляешь! – призналась Кира. – Я так рада тебя видеть. Ты большой молодец, что зашёл. И судя по всему, дела у тебя идут хорошо, – так и застыла она у порога с дарами, так как засмотрелась на Митю.

У него теперь стильная причёска вместо причёски под горшок, и отбелены зубы, вместо почти естественного жёлтого налёта, а кожа говорит, что был у косметолога. Но всё это меркнет по сравнению с одеждой! На Мите был стильный костюм-тройка, да под длинным бежевым пальто, а лакированные туфли блестели так, как будто стоял за дверью и драил перед тем, как постучать.

Совсем уже не тот уборщик кабинета перед ней, а вылитый принц из сказки.

– Я молодец? – улыбнулся Митя. – Нет, это мой брат молодец, который достаёт орущих людей.

– Он спасатель? – уточнила Кира.

– Нет, акушер, – беззаботно рассмеялся Митя и добавил. – Я же клининговое агентство открыл, тут неподалёку. Три года на него копил, откладывал. И вы знаете, наши разговоры в прошлые месяцы подсказали мне, что пора действовать. Теперь я директор. И хоть и не прочь сам порой замарать руки, но и выходные у меня есть. Так что впервые трачу время и на себя, пока мои люди работают по объектам по всему городу.

«Мои люди, объектам, по всему городу... как звучит!»! – тут же проявила себя Люба и выдала первую рекомендацию: «Ну что ты стоишь? Дай ему уже... хотя бы телефон».

– Директор клинингового агентства, – повторила почти по слогам заморожено Кира, которая любила мотивировать людей, но редко видела результаты своих трудов. Но если уборщик,

познав все трудности ремесла с самого низа, забрался на порядок выше, то и у других должно получиться.

– Да-да, тружусь, так сказать, – повторил Митя и тут же посмотрел на часы. – Ой, простите, уже опаздываю в бассейн на индивидуальные занятия. – Он тут же покинул кабинет, шагнув обратно через порог и уже у лестницы добавил, эффектно повернувшись так резко, что полы пальто едва поспевали за ним. – Занялся спортом! Опаздывать нельзя. Но я ещё к вам заскочу. Как-нибудь... до свидания, Кира!

– До скорого, Митя, – помахала ему букетом Кира и прикрыла ногой дверь за неимением свободных рук.

«Теперь что? Теперь букет в вазу, а коробку на стол, чтобы видели, что ценят её, хвалят», – подсказала Люба, наверное, впервые довольная Солнцевой.

Кира, отложив коробку и цветы временно на подоконник, тут же ринулась в кладовку, где на широких стеллажах покоилось разного рода барахло, которому не место в кабинете. Потянувшись к верхней полке, достала коробку с особой вазой с широкой горловиной. Ещё бы! Ведь такого важного момента ждала особая ваза с иероглифами удачи, почёта и славы. Причём, ждала, с самого момента открытия кабинета. И наконец, представился шанс её показать.

Сдув с коробки пыль, тут же помыла вазу в раковине, набрала воды и поставила с края стола, куда с особым удовольствием поместила большой букет. Настроение поднялось настолько, что принялась напевать под нос. А вместе с тем подхватила ручку и дописала в «выручай-листик» следующий пункт: 2. «Решить часть проблем, обнаружив сильное мужское плечо, которое решит всё остальное».

С тем снова посмотрела на часы. До приёма ещё четыре минуты. В то же время не забыла про большую, пыльную коробку в углу кабинета.

– Так, а тебя мы обратно засунем, ещё пригодишься, – прикинула Кира и вновь зайдя в кладовку, вытянулась на цыпочках, чтобы закинуть её на волне позитива ещё выше. На самую верхнюю полку, куда ранее без стремянки и не лазила.

К несчастью для себя, Кира совсем забыла, что там, в пыльном чёрном пакете поджидал своего часа подарок подруги по случаю открытия кабинета, который использовали обе ровно никогда. Ведь обещать начать заниматься спортом ещё не значит, что прямо в этом году.

«Может быть, с понедельника»? – спросил Киру словно сам шар для боулинга и потревоженный пустой коробкой на полке, покатился с полки прямо в направлении её головы.

– Нет-нет-нет! – запоздало вытянула руки психотерапевт, пытаясь поймать его кончиками пальцев.

Но упрямый спортивный инвентарь, в отличие от неё, не сдавался.

Бац!

Глава 4 – Лети, Германик!

В то же время пока шар для боулинга вырубил Киру в кабинете, в другой части города, где раскинулся величественный Главный железнодорожный вокзал, происходило событие не менее интересное.

Ростов-Главный, как иначе называли эту часть города на Привокзальной площади, помнил множество историй. Здесь шептались о прощаниях и встречах в прошлом, когда стены вокзала были сплошь из красного кирпича снаружи и лепнины внутри. Здесь же рассказывали о мечтах, уносимых вдаль, когда здание приобрело современный вид после реконструкции, получив новый вид снаружи и передовые технологии внутри.

В тот день под серым небом Ростова, на забитой битком парковке возле вокзала собиралась случиться очередная история, немного покрасившая его серые будни. И вокзал, словно в ожидании этого, наполнился особым волнением. Так на парковку сначала заехал микроавтобус с местным оркестром и перегородив выезд для всех автомобилей, начал эвакуацию музыкантов. Те будто десантники появлялись из БМД, только вместо парашютов в руках были тромбоны и барабаны, трубы и даже одна арфа, так как арфистке весом под сто пятьдесят килограмм просто никто не мог физически отказать в выступлении. И всё бы ничего, высадил и дальше поехал, но как раз с арфистки и начались проблемы. Если на стадии входа на эмоциях её ещё впихнули в микроавтобус, то при извлечении она застряла в проёме, что и создало затор.

– Марфа, ёп твою мать! А я говорил не жрать в машине! До возвращения не могла потерпеть? – тут же возмутился дирижёр на выезде, который подъехал следом на белом Мерседесе.

– Пал Игнатыч, так я только одну булочку! – возразила та, кого можно было назвать прямой, если бы дело было в балете. Но Прямой Марфу называли по причине того, что курила исключительно папиросы с подобным названием. Отсюда и зверский аппетит.

– Не одну, а решающую, Марфуша! – проворчал дирижёр, тут же организовывая эвакуационную команду, чтобы спасти хотя бы арфу, с которой арфистка не желала расставаться и в салоне. – Знаем мы твои булочки. В твой домашний лаваш барабаны можно заворачивать!

В то же время на парковку приехали журналисты со съёмочными группами с трёх центральных каналов, двух веб-редакций, двух газет старого «типа» и одного журнала, который не желал переходить на онлайн-формат, но пытался выжить и хватался за любую сенсацию в городе, за что и получил в народе название «старый дурак», по первым буквам натурального названия. Как водится, разномастные легковые автомобили и микроавтобусы представителей СМИ тут же загородили и въезд на парковку и все, кто был на ней, уже физически не могли никуда выехать и приехать. Потому люди, спешащие по своим делам, как цветы на весеннем лугу, расцвели в ожидании. С одной лишь тонкостью – все сплошь с красными лицами.

* * *

«Как будто маковая поляна», – невольно подумала Машонкина, лихо подкатывая к железнодорожному вокзалу вдоль тротуаров по пешеходной дорожке на новеньком электроскутере.

Её редакционное задание простое: в рюкзаке за плечами фотоаппарат дороже чем жизнь, доставай, подбегай, фотографируй, а потом как можно громче кричи и тычь какой-нибудь имитацией микрофона в лицо звезде. Если повезёт, то ответит. А если нет, то на места ориентируется, как чаще и бывает.

У Полины было два варианта. Взять скутер подмышку и попытаться пробраться с ним на платформу, заявив, как ручную кладь. Или отправиться напрямиком на парковку и ждать, пока

какой-нибудь красивый автомобиль не высадит первого попавшего карлика, и сразу бежать к нему ради интервью.

Едва посмотрев на толкучку на парковке, журналист тут же смекнула, что её скорее затопчут от самого автомобиля примерно до самого входа на вокзал. Столько людей собралось, что яблоку негде упасть. И это – снаружи! А что было внутри, она даже себе не представляла. Ещё и час-пик, разгар дня, и последние туристы проездом с остывающего побережья возвращаются в обе столицы.

Решив использовать подземный переход, Полина тут же нырнула в кишку подземки. А там тоже людей столько, что не протолкнуться. И одна рабочая рамка досмотра.

– Я какать хочу! – заявил ребёнок маме тут же. – Можно быстрее? – чем заставил нервничать ближайшее окружение ещё больше.

– Пропустите ребёнка, изверги! – добавила бабка рядом, на что охранник с нашивкой ЧОП «баклан» и ухом не повёл.

– Порядок, есть порядок, – проворчал он и деду с тростью, который пришёл на вокзал передать внучке сумку проездом.

– Бардак! – заявил дед, которому пришлось доставать из неё пирожки, молоко в пластиковой бутылке, курицу и варёные яйца, от чего в подземном переходе тут же запахло едой и голодные люди озлобились только больше.

Полина, держа самокат подмышкой, придвинулась поближе, вставая в очередь и оглянувшись на людей, что будущих пассажиров, что встречающих, что провожающих. Все они в этот момент были уравнианы в правах, а давили на каждого – обязанности.

«Например, обязанность стоять тихо и не мандеть», – подумала Машонкина, гадая успеет ли она перехватить випа у поезда или уже нет?

Всё-таки очень важных персон по зелёному коридору даже в аэропорту проводят, а на вокзалах для них вообще автомобили с вышками надо подгонять. Поднял с одной стороны здания, опустил с другой на нужную платформу – и готово.

Моргнул и погас один из светильников в переходе. Тьма тут же отчасти придвинулась, приобняла, делая стены как будто ближе.

– Мама, мне страшно, – добавил ребёнок.

– Мне тоже, – призналась мать, держащая его за руку и глядя прямо перед собой в одну точку, добавила. – Ты вообще видел, сколько уже доллар стоит?

– А что такое доллар? – тут же поинтересовался ребёнок, расширяя кругозор.

– Это то, чего мы не видим, но на всё вокруг влияет, потому что все, кто может на что-то влиять, его хотят получить. Собственно, по этой причине мы его и не видим.

– Как папу? – сразу уточнил ребёнок.

– Как папу, – кивнула мать и подвинула ребёнка поближе к охраннику.

Полина и сама сделала шаг вперёд, как вдруг эстафету безнадеги и бессилия перед толпой в очереди перехватил запах тухлых яиц и слегка недопереваренной манки.

– Мам, я уже не хочу в туалет, – гордо добавил ребёнок.

– Я «слышу», – вздохнула мать и с ненавистью посмотрела на охранника.

– Проходите, – ответил тот, зажимая нос одной рукой, а другой пододвигая в сторону деда. – И ты ступай, отец. Вижу, что нет в твоей трости никаких скрытых следящих устройств.

Мать, сын и чей-то дед, что на поверку так и не оказался вражеским шпионом, удалились и очередь подвинулась к Полине с самокатом подмышкой. И тут все расслышали гул приближающегося поезда над головой.

«Так, поезд уже прибыл, а я – нет», – поняла Машонкина и глядя прямо в глаза охраннику, пошла на него следом, шепча про себя молитвы об изгнании бесов, как учила бабушка.

Но охранник работал не первый год и на молитвы у него был иммунитет. Тут же встав стеной у запищавшей от металла в самокате рамки, он только руку выставил перед журналистом, указав представителю прессы на место.

– Так, показывайте, что там у вас, – добавил строгий голос.

В этот миг позади послышались торопливые шаги. К рамке спешила группа людей, игнорирующая очередь. И когда все взгляды устремились к единственной точке посреди этой группы, среди света подземных фонарей, показался он – знаменитый человек, чьё имя было на устах у всех уже как с неделю, и чьими достижения вдохновлялись половина кандидатов в мэры, как от всех возможных инстанций, так и самовыдвиженцев.

Ну а то, что был ростом с ребёнка, так даже лучше. Тем приятнее его было отыскать среди городских улиц и вернуть в цивилизованный мир. Так как у города своих забот хватает.

* * *

Шаги Маливанского звучали в подземном переходе уверенно и легко. В какой-то момент он даже ощутил мелодию в голове, старательно вышагивая ей в такт.

«Весь мир – полон музыки!» – считал немецкий дирижёр, стараясь запомнить новый подземный мотив.

Как иначе добраться? По навесному переходу шагать слишком долго и ступеньки высокие, лифт для инвалидов стоял на ремонте. Грузчики в какой-то момент предложили перенести его, посадив хоть на шею, как и весь остальной немецкий оркестр перетащить на руках. Лишь бы платили. Хоть в евро. Но Генрих отказался и заявил сопровождающим:

– Найн-найн, мы спустимся по подземке. За мной! – и бодро повёл всю группу своих людей и лиц сопровождения вниз.

Стало тесно: весь симфонический берлинский оркестр и наседающие со всех сторон журналисты с микрофонами и операторы с камерами заняли весь проход, а впереди всех, раздвигая людскую волну волнорезами, шагали два человека в штатском. С таким видом, словно удостоверение на лбу написано, а ярче прочего рекомендация подсвечивается: «не кантовать»!

Охранник на рамке сразу понял, что дело серьёзное. В последний раз на него шли в подобную лобовую атаку так на распродаже в Чёрную пятницу. Это было в прошлом году в местном гипермаркете, когда за последнюю приставку со школьником чуть не подрался, но устоял, потому что – сильнее. Всё-таки все сидят дома на карантине. Ковид разницы в возрастах не видит. Так чего и ему уступать?

Подвинув девушку с рюкзаком и самокатом к самой стене, охранник с нашивкой баклана на плече только и сказал:

– Вдохните, сейчас немного прижмёт.

И их прижало. Потом вжало. Потом придавило. А потом рамка просо полетела на пол и народ повалил толпой за людьми в штатском, уже не особо разбирая, где раньше стояла преграда.

Когда Маливанский вновь вышел на свежий воздух, платформа была уже битком набита народом. Самые выгодные точки заняли операторы прямой трансляции. Тогда как с навесного перехода во всю спешил предстать в лучшей красе конкурирующий оркестр с толстой арфисткой с арфой впереди. Как трактор на вспашке она проредила дорогу в пластиковой трубе-переходе, стоило только отдышаться после тяжёлого подъёма. И как танк с пригорка понеслась снизу-вверх по спуску, почти не замечая ступенек, как и препятствия.

– Ну, Марфа, жги! – запоздало крикнул ей задыхающийся краснощёкий дирижёр, который потратил на извлечение примы весь запас сил у микроавтобуса.

И только Маливанский попытался открыть рот перед ближайшей камерой, как в дело вступила арфа.

Трунь!

Все, включая пассажиров, провожающих, прибывающих и проверяющих, невольно повернули головы к надземному переходу. А там уже барабаны играют, добавляя интригу. И едва переводящие дух духовые вступают со своими большими трубами.

Оркестр играл туш!

– Что ж, встречать нас не встречали, зато провожают с почестями! – заявил в ближайшую камеру Маливанский и подбежав к местному оркестру, принялся дирижировать едва расположившимися на платформе силами.

В первые мгновения это звучало как какофония.

Трунь. Бам-бам. Бдышь! Бу-э-э!

Но стоило начать махать пальцами Генриху, вздёрнув мизинчики и настраивая людей, как звучание выровнялось.

– Ну же! Соберитесь! Музыка объединяет сердца! – закричал он по-русски почти без акцента. – Я знаю, все вы когда-то любили! Так вспомните это чувство! Позвольте ему руководить!

Сказано – сделано. И вскоре над платформой вместе с объявлениями звучала короткая торжественная музыкальная пьеса. Сугубо фанфарного характера. Обычно подобная исполняется на духовых инструментах, но в данной партии изрядную долю брала на себя и арфа.

– Вот это – женщина! – крикнул в восторге Маливанский Марфе, и та едва не порвала все струны сразу, что резко резануло по слуху.

– Марфа, жопу порву! – тут же подкорректировал её местный дирижёр и арфистка тут же взяла в себя в руки, показывая новый уровень.

Платформа тут же наполнилась торжественными звуками. Но этого Генриху было уже мало. Он поднял руку и подал знак своему оркестру.

– Шнеля! Шнеля! – добавил он на немецком, пока члены немецкого оркестра на завидной скорости распаковывали инструменты, чтобы принять участие в мероприятии.

Люди, если и спешили покинуть платформу, застыли. Оба оркестра, как собравшийся на прощание, так и убывающий, развернули свои инструменты и как воины, готовые к сражению, замерли в ожидании новой команды.

– Ан, цвай, драй! Поехали! – лихо добавил Маливанский и первым делом указал на арфистку.

– Марфа, бля! Только попробуй вступление проебать! – донеслось тут же приободряющее ей в спину, и она сосредоточилась, а затем начала новую, прекрасную музыку.

Струнные, духовые и ударные слились в единую гармонию, создавая атмосферу, полную волшебства для одних и ностальгии для других. Ведь звуки, проникая в сердца собравшихся, напоминали о том, что каждое прощание – это лишь предвестие новой встречи.

Журналисты тут же вошли в эфир, начиная трансляции. И камеры тут же запечатлели, как люди вокруг замерли и вслушались, отбросив все дела. Только что они готовы были разлететься как птицы, а вот уже забыли, куда шли. И слушают, вслушиваются, пропуская через себя, чтобы затем разразиться спонтанными аплодисментами.

Всё испортил доселе стоящий тихо поезд. Не то, чтобы раздался гудок, но машинист глянул на часы и передал команду. Замершие было у дверей проводники тут же подали знак людям в штатском, что пора бы и честь знать.

График!

– Вы – отличная публика! – закончил свою последнюю партию Маливанский, раскланялся и снова искупался в аплодисментах, рассылая всем воздушные поцелуи.

Люди вокруг него шептали слова благодарности, их голоса смешивались с музыкой оставшегося местного оркестра, который с красными лицами словно перешёл в режим энергосбережения и больше не дул щёки, а скорее пытался отдышаться.

В каждом «до свидания!» и «приезжайте к нам ещё!» слышалась надежда, а в каждом взгляде читался ворох поднятых со дна души воспоминаний.

И вот, когда последний аккорд оркестра затих, а поезд собрал пассажиров и начал медленно начал уезжать, знаменитый человек обернулся над верхней ступенькой, чтобы ещё раз помахать людям. Тут-то он и заметил, как на платформе стояла помятая толпой журналистка с электросамокатом подмышкой и просила сделать улыбку. Времени у подросшей в самом конце Полины Машонкиной оставалось лишь на один кадр.

Безусловно, это оказался самый лучший кадр, который потом выставляли как пример качественной работы движущегося объекта. Но как по мнению самой журналистки, так просто повезло...

Маливанский махнул на прощание и ей, широко улыбаясь и тут же отошёл от двери, давая возможность персоналу закрыть её.

– Ваше купе дальше по коридору, направо. Под цифрой «6», – добавила миловидная проводница последнего, «12» вагона, где не то, чтобы СВ, но и не далеко не плацкарт.

И всё бы ничего, улыбнуться бы Генриху в ответ и идти располагаться на верхней полке среди своего оркестра, пока все хором не прибьдут в столицу. Но тогда бы ростовский вокзал тут же пережевал бы его и забыл, как очередную серую историю, причислив к будням.

Вместо этого в глазах карлика мелькнул блеск. Ведь телефон в его кармане зазвонил мелодией, которую поставил только на одного человека. Играла Бах, но не какая-нибудь там заезженная мелодия «Токката и фуга ре минор», а не что иное, как малоизвестное, но не менее интересное творение – «Страсти по Матфею».

Тогда Маливанский поднял руку с трубкой, приложил к уху и слушая, как бешено бьётся сердце, спросил с величайшей надеждой в голосе:

– Люба?

– Вот именно! – тут же раздался весёлый и озорной смех в динамике.

Приложив руку к сердцу, он тут же прикусил кулак, чтобы не закричать от радости. Ведь в жизни, как и в музыке, есть моменты, которые остаются с нами навсегда, а есть люди, которых не забыть.

И она тут же сказала то, что хотел бы услышать в жизни любой мужчина.

– Где же ты, мой Германик? Лети же ко мне! Лети быстрее ветра! – и связь оборвалась.

Поезд, уносящий его по известному маршруту в Москву, тут же стал таким тесным и давящим, что дыхание перехватило. А затем Генрих без сомнений дёрнул ручку двери. Не подалась! Тогда он дёрнул сильнее, с надеждой на чудо.

Да, он знал, что тамбурные двери закрываются на специальные запоры, такие как секретки, ключи или трехгранные ключи. Но он так же знал, что находится в самой удивительной стране в мире, где всё возможно. И, о чудо, дверь распахнулась! Ведь в отличие от тех же дверей в самолёте, на неё не действовало давящее давление, зато действовала рекомендация: «Оксана, проветри после этой толпы. Припёрлись тут, напердели и свалили, а нам дышать до самой столицы».

Маливанский тут же увидел мелькающие столбы. Вздумай он открыть дверь с другой стороны, он верно заметил бы и шпалы встречного пути. Но сейчас он видел только всё набирающий скорость поезд, который к его счастью тут же её скинул, так как вдруг стал подниматься на небольшой пригорок.

Не раздумывая ни секунды, Генрих перекрестился, как положено добропорядочному католику. Затем подумал и перекрестился уже как учила по православному Люба. Ведь двойная защита лишней не будет. А в следующий момент он закрыл глаза и прыгнул куда-то в увядающую траву наугад, ощущая себя на секунду как птица в полёте, но только на секунду, после чего покотился кубарем с пригорка.

Бог потворствует влюблённым. Вот и судьба на этот раз была на стороне Маливанского. Он не разбил голову о ближайший камень и не переломал рук-ног, пока гасил скорость и инерцию. Только поднявшись после очередного кувырка, он пощупал лоб и убедившись, что тот не кровит, некоторое время стоял и смотрел, как поезд неторопливо исчезает за горизонтом.

Наконец, снова улыбнувшись и отряхнувшись, он медленно побрёл к трассе, точно зная, что на любой дороге мира он отыщет свой, если путь тот ведёт к истинной любви.

А Люба просто так звонить не будет!

Глава 5 – Земля – круглая

Кира застонала, вдруг понимая, что голова раскалывается. Удивительно, но сама она сидит за столом в своём кабинете. Перед глазами пышный букет цветов тычет почти в лицо, а под рукой – телефон с погасшим экраном.

«Что? Почему я тут, а не там?» – пришла в голову очередная мысль и Солнцева тут же посмотрела в сторону коморки, где на полу валялся шар для боулинга, а не месте его падения можно было наблюдать приличного размера вмятину, что дала трещины во все стороны по наливному полу.

– Повезло, что жива осталась, – добавила она тихо вслух, как будто боялась, что мама накажет. Щупая лоб и оглядывая место падения, добавила. – А если бы была плитка, то разбило бы в два счёта. Как же хорошо, что я сэкономила на коморочке!

Огромная шишка растеклась по верхней части головы, и психотерапевт с ужасом подумала, что могло бы случиться, успеет шар набрать скорость? Выходит, что повезло вдвойне, что сразу стукнул её по голове с верхней полки, минуя сопротивление пальцев, а не угодил по темечку, опусти она голову пониже.

– Не, ну а что? Нормальный некролог! – воскликнула Кира. – Как бы его журналисты подписали? «Очередной мозгоправ не выдержал нагрузки по работе и решил свести счёты с жизнью бюджетным способом»! Дёшево и сердито, так сказать.

Подойдя к злополучному инвентарю для занятий боулингом, Кира покатила его ногой, не решившись пинать со злости. Это было бы всё равно, что бить мизинцем об угол тумбочки. Но переносить на кого-то последствия своей дурачности не следовало.

На секунду ей показалось, что сейчас появится Люба и заявит: «сама виновата», но в голове подозрительная тишина.

Ещё раз поглядев на вмятину уже как следует, Кира добавила:

– Земля, определённо круглая и вертится. Иначе каким бы образом мне на голову скатился шар на плоскости?

Наверное, ни один представитель сообщества «плоской Земли», будь он в кабинете, не решился бы с этим спорить, но обязательно придумал бы что-нибудь своё, другое, мало связанное с физикой и логикой.

«Впрочем, читают же люди про драконов, а те летают с наездниками и ничего, всё сходится», – прикинула Кира и вздохнула, пощупав карманы халата, достала бумажку. А там выручай-листик с теми же пунктами, где последний гласит: «Решить часть проблем, обнаружив сильное мужское плечо, которое решит всё остальное».

Кира зажмурилась. Если с котом её теперь страховал сосед Толя, который всегда готов подняться и покормить кота, подлить воды, а то и лоток убрал как-то раз, то этот мелкий ремонт в кабинете можно поручить Вове.

«Думаю, не откажет», – решила Кира и судя по расчётам, Вовка Дрищев был уже где-то по эту сторону Урала. И со дня на день должен был прибыть: «А там даже мешок наливного пола покупать не придётся. У Толика наверняка что-нибудь после ремонта останется. Выделит. Друг всё-таки»!

Они если и не дружили, то всегда выручали друг друга по-добрососедски, хотели бы того или нет. То он к ней в одном полотенце постучится, когда с подачей воды проблема, то она ему кота на подоконник сбросит невольно, чтобы порадовался. То он к ней удлинитель на доступ к свету прокинёт, то она ему поручит разобраться с финансами на проезд и оплату строителя.

«Не, ну всё-таки с меня бутерброды», – прикинула Кира, прекрасно понимая, что так делать нельзя, но так порой хочется на кого-нибудь повесить свои проблемы. Поэтому и пункт такой в листике.

Попутно вспомнила, что видела телефон на столе. Так чего его искать по карманам? Полуоглушённая, ещё не совсем придя в себя, она так и не поняла, почему очутилась сидя, а не лёжа на полу. Но у того наверняка была увлекательная история.

– Будем разбираться, – пообещала она вслух, подхватив телефон со стола и тут же зашла в звонки. А там – исходящий, что состоялся десять минут назад. И номер незнакомый.

Сначала психотерапевт решила, что невольно перезвонила по номеру клиентки, как ответственный специалист, будучи даже с проломленным черепом. Всё-таки судя по последним визуальным наблюдениям и слуховой погрешности, никто в кабинете не сидел, не стучал и не ломился, хотя встреча была назначена.

Хотя если подумать, то в случае чего ей могли позвонить и с неизвестного, чтобы попросить перенести встречу. Всякое по жизни бывает. Форм-мажор ещё никто не отменял.

Однако, среди входящих как раз незнакомых номеров не было. Только исходящий. А она его не набирала и понятия не имела, откуда взялись эти цифры. И если её телефоном не управляли дистанционно, то вывод напрашивался только один.

И ещё раз взявшись за лоб, Кира рявкнула:

– Люба, мать твоя – женщина? Кому ты там звонила?!

Альтер-эго всё ещё хранило молчание. Так бывало, когда отсыпалось, уже как следует себя проявив.

Воззвать к совести Любы не удалось, зато в кабинет постучали.

– Открыто! – крикнула она.

Из всех клиентов, что обращались к Кире за помощью, больше всего она не любила «молчунов». Тех, кто приходят и ждут, когда их начнут заваливать вопросами и говорить за них, чтобы их растормошить и объяснить, как им нужно поступить в той или иной ситуации. Может, конечно, и существуют такие психологи, кому поговорить за радость, но за пять косарей Кира не готова была брать на себя штурвал и рулить целый час в отсутствии капитана, когда пассажир даже не знает куда хочет плыть.

Ещё она очень скучала с клиентами, которые любят все рационализировать и бьют себя в грудь, говоря, что они бесчувственные и не испытывают никаких переживаний: ни эмоциональных, ни физических. В особо хорошем настроении

и

с подходящим под интервенцию клиентом, Кира могла в этот момент подскочить с кресла терапевта, скинуть кед с правой ноги и со всей силы наступить на ногу клиенту. Чисто, чтобы проверить.

«Снова ничего не чувствуете»? – обязательно спросила бы она в этот момент и добавила злорадно: «Странно, ваше лицо, однако, выражает возмущение, а дыхание стало резче и чаще».

Но в кабинет-заглянула человек-загадка. А это был всякий человек, которого она пока не знала.

– Кира Эдуардовна? – спросила девушка лет двадцати пяти.

– Да. Чем могу помочь?

– Меня зовут Полина. Полина Машонкина. А можно к вам сразу попасть?

– Обычно – нет, но вам повезло... Проходите, Полина, – поманила её рукой Кира и тут же взялась за блокнот, создавая видимость загруженного потока при пустующем кабинете. – Значит, вы не записывались?

– Нет, мне просто вас посоветовали, – смутилась девушка. – А я давно собиралась, а тут прямо – решилась! Короче, если сейчас уйду, то уже не вернусь. Это не угроза, просто... я себя знаю.

– Кто же меня посоветовал, если не секрет? – прищурилась Солнцева, в душе довольная данным положением дел. Если реклама пошла, то дело в шляпе. Ну как реклама? «Сарафанное радио», за которое ни рубля платить не надо. Ценного специалиста все сами из рук в руки передают. Как хорошего строителя, электрика, стоматолога, сантехника, массажиста и так далее по списку, где... так мало хороших психологов, если речь не идет о Голливудском кинопроизводстве. Там их как раз как грязи, и все – золото.

– О, это конфиденциальная информация, – тут же немного смущённо улыбнулась девушка и добавила. – А мы, журналисты, своих информаторов не сдаём.

– Пусть так, – указала на стул Кира. – Присаживайтесь... Так с чем вы ко мне пожаловали? Если не интервью брать, конечно.

Девушка снова робко улыбнулась, поразив своей красотой и не по годам детской внешностью. Одета она была в кожаную куртку и джинсы, и берегла шарфом шею. Но как только сняла его, как Кира разглядела синяк.

– У вас... физическая травма? Вас обижают? – сразу спросила Солнцева.

– О, нет. Это я в аварию немного на самокате попала. На работе. Там такая толкучка была, что едва выбралась. Удивлена, что руки-ноги не оттоптали. А за синяк даже премию дадут. Работу я всё-таки выполнила.

«Вот она – мечь-карма каждому самокатчику», – с лёгкой иронией подумала Кира и вдруг поняла, что девушке перед ней больше подошло бы белое платье с рюшами и оборками, а на голове чтобы красовалась заколка, усыпанная жемчужными

Бусинами.

Тогда на шее должен красоваться шнурок с цветком, а на ногах носочки с оборками и достаточно массивные кроссовки тоже белого цвета. Но вместо них на Полине были гриндерсы на высокой подошве, которые делали её на пару сантиметров выше.

В то же время лицо девушки было довольно взрослое, но его выражение никак не давало Кире покоя, будто какая-то взбалмошность и инфантильность на нём.

– Ой, я так рада, что, наконец, попала к психологу, – первым делом поделилась девушка.

– Вы знаете, я тоже люблю психологию и уже много раз пожалела, что не пошла на психолога.

– Журналистика вас не устраивает? – уточнила Солнцева.

– Да вроде бы и устраивает, но порой хочется всё бросить и стать психологом. Вот только разберусь с собой, так сразу и начну новую главу своей жизни... Поможете?

– Интересно, – усмехнулась Кира, отодвинув вопрос оплаты труда на конец сеанса в этот раз. – И как же вы собираетесь разбираться с собой? Есть с чего начать? Рекомендации, может?

Девушка тут же кивнула:

– Есть у меня одна проблема. Я, как бы это правильно сказать...

– Не надо правильно, – перебила её Солнцева. – говорите, как есть, не подбирая слова.

– Ммм, ну, хорошо. Я попробую, – послушно согласилась Полина и продолжила. – Я в отношениях сейчас. У меня в целом не было ещё таких серьёзных отношений. Но раньше я жила в общежитии и как-то проще к этому относилась. То есть там... как бы это сказать, всегда были какие-то отношения. Но проблема в том, что какие бы то отношения там не были, хорошие, плохие, по любви, по дружбе, на пару раз и так далее, я всегда всем изменяла! – последние слова вылетели из Полины как ядро из пушки. А затем её снова прорвало. – Я ни разу в жизни не была верна никому. Это не хорошо и неправильно, ведь так?

– Но-о-о? – протянула Кира, как будто клиент обнажил лишь самую вершину айсберга.

Но Машонкина стянула губы в линию, пока не готовая говорить о конкретной цели своего прибытия. И психотерапевту пришлось подыгрывать. Всё-таки большинство людей предпочитало не открывать ракушку на первом сеансе.

– Не правильно для кого? – уточнила Солнцева. – Я же не знаю, чего вы хотите. Давайте по порядку, хорошо?

– Про маму и папу? – улыбнулась Машонкина. – Я так и знала, что все проблемы из детства. Но меня, скорее, интересуют мои новые отношения. Потому что через них я могу выйти на новый уровень, но есть «нюансы».

– Стоп! – прищурилась Кира. – До мамы и папы дойдем, если понадобится. Расскажите пока о том, чего вы хотите от консультации. У вас одна основная проблема на данный момент? Или хотите «комплексную проработку»?

– Звучи как пакет предложений, – покрутилась на стуле Полина.

– И всё же? Что вам мешает жить? Что не даёт покоя? – начала бомбардировку наводящими вопросами психотерапевт, желая получить детали для подробного анамнеза.

– Так вот эта проблема и мешает. Проблемка, ага, – Полина вдруг начала болтать ногой, как дети в детском саду, сидя на взрослом стульчике. – На прошлых выходных произошла одна маленькая и не совсем приятная история. Мой шеф пришёл

домой с работы и начал требовать. Сначала начал говорить что-то про то, что устал и голодный, потом ему сквирт подавай.

– Что-что? – тут же переспросила Кира, желая уточнить, что не ослышалась.

– Вот и меня это так взбесило, что я наехала на него, обозвала всякими плохими словами. Типа жмот, мог бы и доставку заказать и всё такое, а в конце выпалила, что не удивительно, что он извращенец. Таким, мол, по жизни всегда будут женщины изменять, раз требует от них такое. Ну... ТАКОЕ. Он, конечно, опешил, переспросил, что я имела в виду, а я отморозилась. И тысячу раз пожалела, что вообще завела этот разговор, – тут Полина резко перестала вращать ножкой и выдала как на духу. – Нет, я бы рада просто обоссать его с ног до головы. Начальник же. Кто из подчинённых порой не мечтает оросить начальство? Ещё и за дополнительные привилегии! Но это же будет ложь. А он хоть как человек и не очень на работе для многих, но меня не обижает. Я как минимум, должна быть честна с ним. Но как только я хотела сказать, что конфуз вышел, и сквиртовать не умею, так сразу и... сквиртанула.

Кира ощутила, как в кабинете стало жарче. Встала, открыла окно, походила по кабинету, потом даже сняла халат, и только после этого вернулась за стол, продолжая с серьёзным лицом:

– Сквирт, значит. Занятно. Так вы... расстались? Или сблизились? Эта процедура сблизает больше или хочется о ней поскорее забыть?

– Нет, что вы? Какой расстались? Он меня вроде как любит! – воскликнула Полина. – Ну или делает всё, чтобы мне было хорошо. А для меня это равнозначно. Да и методологию «особого оргазма» я вроде бы поняла. Мол, один раз получилось, может и второй получиться. Тогда уже взаправду всё будет, как он хочет. Да только проблема в том, что его-то рядом как раз не было в этот момент.

– Был другой?

– Нет, я была одна.

– А что вы чувствовали в этот момент?

– Смущение, удивление, удовольствие и... злорадство.

– Почему злорадство?

– Потому что я смогла! – воскликнула Полина. – Выходит, он в какой-то степени меня заставил поверить в себя. В свои возможности. Ещё вчера не умела и вдруг на тебе – научилась. Но... под чутким руководством начальства. Выходит, они не так уж и безнадёжны? Начальники эти? Может, не все такие уж и бесполезные?

– Какое яркое проявление садизма и садомазохизма, – удивилась Кира. – Все ваши потаённые страхи вдруг хлынули наружу как по приказу, а вы находите в этом удовольствие и даже оправдываете своего мучителя.

– Но он меня не мучал! – возразила Машонкина.

– Так и мучение разного рода бывает. Не только физическое, но и ментальное, духовное, душевное, если хотите. Вы рассказывали ему про измены?

– Нет. Я же ему не изменяла, – ответила Полина и добавила. – Ещё не изменяла. Но мне сейчас и не хочется. Что тоже для меня странно. Но к этим отношениям я отношусь иначе. Повзрослела, может?

– А вы рассказали о вашей измене кому-нибудь?

– Да, всем, – легко призналась Машонкина, как будто это было давно в прошлом и больше ничего для неё не значило.

– И они прощали?

– Все. Без исключения.

– А был ли кто-то, кто осмелился вас «оттаскать за волосы» за это? Ну, поставить на место? – поправила себя Солнцева.

– Честно говоря, не припомню.

– И это вам нравится? – приподняла бровь Кира, как человек, который точно знает, что делать можно и что нельзя. – Дает ощущение всемогущества и вседозволенности, верно?

Думала Полина не долго:

– Да, в какой-то момент я прям чувствую себя намного сильнее и что он в моей власти.

– А вы их хотите после этого? – спросила Кира, ожидая появления Любы в любой момент. Но Альтер-эго молчало, как кот, упившийся молоком и мирно дремлющий на подоконнике. – Я имею в виду сохраняется ли сексуальное влечение к ним?

– В этом тоже есть некоторая сложность, – пожала плечами Машонкина. – Я в принципе его не чувствую ни к кому.

– Ни к кому, кого вы не уважаете, – уточнила психотерапевт. – Ведь, мужик, который позволяет ему изменить, не может вызывать у вас уважение. Вы их не боитесь и не боитесь потерять. Это безопасный объект, который дает ложное ощущение своей востребованности.

– Но я его люблю... своего настоящего.

– Вы никого не любите, иначе бы не рассказывали мне про шефа. Никто не называет своего любовника – шеф. Это мог быть «зайчик», «герой», «любимка», «защитник», «медвежонок», «папик», но вы чётко сказали – «начальник», и никаких гвоздей. И это подводит меня к мысли, что вы пока что слишком уязвимы для любви с настоящим мужчиной.

– Как это?

– Вернее, вы не доросли до неё, – легко добавила Кира. – Вы чувствуете себя роковой женщиной, хотя по факту роковой вы являетесь лишь для пассивных неуверенных мальчиков, так как ни одного мужика вы пока что ещё не соблазнили и не покорили. А теперь тот случай, когда покоряют вас.

Взгляд Полины погас и её уверенно расправленные в самом начале плечи, озорство в глазах и болтающихся ногах резко исчезли. Ей было неприятно это слышать. Она надеялась получить подтверждение своего образа «роковой женщины», а получила «незрелую девочку», которая боится брать то, что хочет и соглашается на то, что есть.

Вернее, на тех, кто выбирает её.

– Но почему я так делаю? – наконец, начала задавать она правильные вопросы. – Почему у меня не получается иначе? Ведь это всегда одно и тоже, как будто повторяется по кругу.

– Думаю, до следующей встречи у вас будет достаточно времени, чтобы подумать об этом. Мы обсудим ваши мысли и причинно-следственные связи в следующий раз. Не всё сразу, – тут же немного подвинула пациентку в сторону Солнцева. – А сейчас я могу сказать, что эта ситуация для вас новая. Начальник довлеет над вами. А вас это только забавляет, это новый вызов. При чём до такой степени, что когда треснуло и потекло, вы сказали не «а-а-а, помогите», а «ну наконец-то»!

– Стоп-стоп, то есть мой спонтанный сквирт – это своего рода... протест?

– Вы или безжалостны к себе или стараетесь выглядеть глупо, чтобы обелить начальника. Он то, он сё, он помог, он направил. Но если отместить меркантильный вопрос, то он всё же довлек и управлял или помогал и наставлял?

Машонкина задумалась, не зная точный ответ.

– Так я и думала, – победно развалилась в стуле Кира, поглядывая на цветы. – Давайте так. Перед тем, как мы сделаем перерыв до следующей сессии, я задам вам вопрос, над которым нужно будет подумать как следует. Это ваше домашнее задание.

– Что ж, я знала на что иду, – хмыкнула Полина и прокрутившись на кресле, подскочила. – Задавайте!

– Отставим всех мужчин, что у вас были до. Не вспоминайте про тех, кто готов был терпеть ваши измены. Сосредоточимся на этом, конкретном начальнике, который вдруг стал не лёгким облачком в вашей ветреной жизни, а грозовым фронтом, через который надо пройти без потерь. Так вот, Полина, скажите... это единственный мужчина, который довлек над вами?

– Ну-у-у.

– Тс-с-с, – подставила палец к губам психотерапевт и тихо повторила. – Надо подумать. Домашка. С вас пятёрку за сеанс и жду через неделю в это же время, но час назад.

После её ухода, Кира вдруг поймала себя на лёгкой грусти. Она подумала о себе, о своём возрасте, что подходил к ошеломляющей цифре – «30»! И о том, что у самой в личной жизни был по-прежнему бардак.

Бардак, в котором она не готова была разбираться. И всё же кое-какие якоря, за которые можно было зацепиться в этой жизни, чтобы не унесло ветром перемен, у неё были. Например, уверенность, что женский оргазм – не миф, есть счастливые пары в браке, а Земля – круглая.

И словно желая это перепроверить, Кира отодвинула чёлку с синяка и снова как следует надавила.

Больно!

Немного подумав, Кира достала Выручай-листик и дописала третий пункт, который гласил: 3. *Наконец, придумать курсы, которые бы реально помогли людям.*

Почесав ручкой лоб, она тут же задумалась. Прав был Алексей Борисович – не даром же бизнесмен! – для помощи людям нужны ресурсы, а без ресурсов ты никому помочь не сможешь, так как сама нуждаешься. Хуже того, эти же ресурсы придётся взять у самих людей, а значит первую её группу должны составлять люди, у которых есть деньги. Причём не малые. Иначе простым людям она так и не сможет помочь.

– А как достать деньги из толстосумов? – спросила вслух Кира, но никто в кабинете не ответил.

Самой придётся думать. И вот это – самое сложное. Ведь всё начинается с первого шага, а ты даже направления не знаешь... Но иногда сама жизнь толкает вперёд!

И Кира тут же взяла другой листик, на котором со всей ответственностью к решению вопроса написала «*Клуб хороших людей... начало*».

Глава 6 – Чистота – залог здоровья

Маливанский замер у ограждения-барьера, едва подойдя к проезжей трассе. Трафик городского движения был такой, что автомобили мелькали только в одном направлении беспрерывным потоком тремя полосами, а если каким-то образом и удастся добраться до половины, то ещё и в другом едут по трём полосам на предельно-допустимой скорости. Но куда ни взгляни, вокруг только сплошная сталь ограждения. Ни перехода тебе, ни светофора, словно никто и никогда не выбирался с территории железнодорожных путей в город и про таких бедолаг никто в мэрии не думал.

– Вас зу тун? – настолько расстроился низкорослый дирижёр, что заговорил на немецком, тогда как на русском это бы звучало как «что поделатъ»?

Ограничение по росту подступило к карлику откуда не ожидал. Только что он дирижировал смежным оркестром, купался в овациях и героически спрыгнул с движущегося поезда назло судьбе (и любви навстречу!), как вдруг оказалось, что пары-тройки стальных полосок может хватить, чтобы остановить его порыв и вернуть всё на круги своя.

– Не на того нарвались! – добавил Генрих по-русски, стараясь как можно чаще говорить на родном языке Любы, чтобы лучше понимать её. Так как в прошлый раз до конца не понял, что она имела ввиду.

Женщины всегда были для него загадкой. Но тем они и интересны – изюминкой! Безуминкой, если хотите. Вот согласись бы с ним Люба сразу и что? Не интересно! Да соберись она с ним в Москву, а затем полети в Берлин через Стамбул, (где уже запланирован следующий концерт), она наскучила бы ему, верно, ещё в поезде! А так сначала уложила спать рядом, но не переспала, потом дала отпор, выставив за дверь без завтрака, но так и не отвергла окончательно. И теперь – позвонила! Что думать? Как быть? Загадка!

«Как ни в чём не бывало, снова позвала к себе. Похоже, её нужно добиваться», – даже подумал на русском Маливанский, чтобы лучше понять эту загадочную русскую женщину, что пела для него русские-народные песни, а затем устроила разборку из-за кота и электрика и едва не подралась с ментами, чего он, как примерный житель Германии, себе бы никогда не позволил. Но в тайне мечтал сказать своё «нет» хотя бы на мирном протесте. Ведь каждый бюргер нет-нет, да задавал вопросы куда деваются члены оппозиции в стране, победившей свой внутренний нацизм.

– Я не сдамся! – повторил карлик потоку автомобилей.

Ведь поскреби любого немца – и обнаружишь русские корни. Вот и в этот раз дирижёра не могли остановить никакие металлические ограждения, что встали между ним и Любой. Он просто подпрыгнул, ухватился за край нижней и залез сначала на одну полосу, уцепившись ногами, затем за другую подтянулся, а спустя какие-то мгновения на адреналине уже сидел на краю ограждения, свесив ножки и гадая как быть. Залезть-то залез. Но как теперь слезть? И куда? Обрато во владения РЖД или сразу на трассу?

В фильмах главные герои обычно спокойно сигналили с моста и всегда попадали в грузовик, полный мягких матрасов. Но там и главные герои были под два метра ростом, голубоглазы и могли взломать Пентагон, тыкнув два раза в пробел. Тогда как он больше привык тыкать в женщин, но только с их полного согласия. А вот как его уже добиться – это другой вопрос.

– Что же делать? – повторил уже по-русски Маливанский, встал на парапет во весь рост и вдруг, резко закрыв глаза, доверился судьбе и прыгнул вперёд, как пловец с «тумбочки» в бассейн.

Всё или ничего! Либо смерть, либо любовь!

«В конце концов, им придётся снять обо мне героический фильм», – мелькнула последняя мысль и он снова ощутил уже знакомое чувство полёта.

* * *

Где-то рядом.

Митя нервно поглядывал на цифровые часы. Одно дело, когда они на руке, это привычно. И совсем другое, когда расположены на дисплее приборной панели нового автомобиля. А раз он теперь директор, что перешёл с самозанятости на ИП ради найма новых сотрудников, на автобусе уже не поедешь, такси по праздникам не ограничишься. Надо соответствовать. Но как соответствовать, когда все деньги вложил в бизнес? Ответ прост – кредиты.

И Дмитрий Усачёв набрал кредитов по самую макушку. На автомобиль, на строительство дома, на новую одежду, чтобы сразу поразить Киру Эдуардовну, на клубную карту в фитнес-центр сразу на год. И как водится – на новенький айфон. А вот на часы уже не хватило. Потому и смотрел время в автомобиле.

Это не долго – глянуть на часы. Секунда, в худшем случае – две. Но на скорости, когда опаздываешь, этого хватает, чтобы натворить дел. Вроде только что мельком глянул на сидящую куклу на стальном ограждении поверх бетонных плит, которую усадили в целях какого-нибудь флешмоба, вроде «спасём пингвинов Арктики», вроде даже притормозил, чтобы рассмотреть её получше, а как только перевёл взгляд на часы и обратно, так «кукла» уже к нему летит. Как банковская подписка, которую не заказывал, но не прочитал договор мелким шрифтом.

– Мама-мия! – воскликнул Митя почему-то на итальянском, когда лёгкая на вид кукла в концертном фраке вдруг распахнула крылья уточкой и в полёте вперёд и вниз проломила ему ветровое стекло.

Вспомнив, что из итальянского в его жизни были лишь песни и фильмы Адриано Челентано, водитель резко затормозил и выбежал из автомобиля с левым рулём, едва сам не угодив под колёса попутного автомобиля. Спасла лишь реакция и вместо того, чтобы снова забраться в салон своей иномарки, он вдруг сам оказался на капоте, прыгнув как кенгуру. Разве что без хвоста.

Но на этом чудеса не закончились. Кукла вдруг повернула к нему окровавленную голову и улыбнувшись, заявила с немецким акцентом:

– Любовь – победила!

– Кого? – уточнил Митя, чисто для себя, на всякий случай, но тут же сам ощутил полёт на «крыльях любви». Ведь в автомобиль на полной скорости сзади въехала фура и сразу смяв корпус примерно до уровня мотора, отправила обоих в долгий полёт с капота автомобиля.

Пролетев с десяток метров, Митя уткнулся лицом в асфальт, одновременно погружаясь в темноту и принимая как факт, что плавать он сегодня так и не научится.

* * *

Генрих шёл по мягкой как вата дороге, проваливаясь порой по колено. Глядя на этот особый путь, русская поговорка «знал бы где упадёшь – соломинки бы постелил», заиграла новыми красками.

Иностранцу было чему удивляться, ведь в этом случае русские накидали целую трассу матрасов!

Воздушные ноги с тапочками с приделанными к ним по бокам крылышками всякий раз норовили унести его в небо, но видимо подъёмной тяги не хватало. Он просто делал гигантский

шаг и снова проваливался в самую мягкость и гулял бы так до самого вечера, но перед глазами вдруг возник мужик со шваброй и сказал с укором:

– Ну куда по помытому?

– По помытому? – переспросил Маливанский, разглядывая дорогу из матрасов, шлёпанцы с крылышками и небо, полное облаков.

– А ты что думал, я с тобой шутки шучу? – заявил уборщик и вдруг вместе швабры у него в руках возник пистолет. Не стальной, не чёрный, похожий на пластиковый и надписью «чёрненький, для всякого такого».

«Какого такого»? – ещё подумал Генрих, но тут пистолет упёрся ему в лоб, и мужик закричал:

– Хочешь верь, хочешь не верь, а это инверсивное ограбление!

– Инверсивное? Как это? – переспросил карлик, ощущая не холод дула на лбу, а что-то теплое и приятное, обо что так хотелось почесаться.

– Шутки уже со мной шутишь? – заявил уборщик-грабитель, приятно почесав ему дулом лоб и вдруг начал доставать из карманов деньги. А там рубли, евро, доллары и даже – тугрики. Причём Генрих почему-то знал, что один монгольский тугрик равен ста мунгу. Но зачем ему эта информация – как раз не знал.

– Куда тебе столько денег? – не понял Маливанский, но тут грабитель начал рассовывать разноцветные купюры по его карманам, приговаривая:

– Бери-бери! Что мне их, солить, что ли?

– Зачем солить деньги? – не понял Генрих, который всё же был не настолько знаком с русскими обычаями.

Только полные карманы денег набили, как грабитель-благодетель в плечо толкает и куда-то в сторону ведёт.

– Куда это мы? – уточнил Маливанский, которому и по мягкой дороге неплохо гулялось.

– Как куда? Домой! К тебе! – уточнил человек с пистолетом и прошептал. – Лёг в кровать! Быстро, я сказал!

Маливанский вдруг понял, что он дома. В большой комнате с огромной кроватью. В одной из спален какого-то дворца.

«А, ну всё понятно. Денег дали, теперь насиловать будут», – решил карлик, но тут грабитель-благодетель и потенциальный насильник по щекам его похлопал и заявил:

– В смысле «насиловать»? Спать, давай, ложись!

– Как это «спать»? – снова не понял Маливанский, окончательно запутавшись в грабеже наоборот.

– Уснул быстро и выспался! – рявкнул грабитель-благодетель и поправив одеялко, добавил приятным голосом. – Чтобы как следует покемарил. Часов 8-9. А то взял моду, не выспавшимся гулять. Тоже мне жизнь. Высыпаться надо как следует. Понял меня? Приду – проверю!

– Понял, – кивнул Генрих, на голове которого вдруг возник сонный колпак, как у королей прошлого и обнимая ночной горшок рядом с собой под утяжелённым одеялом, он блаженно прикрыл глаза и провалился в новый сон во сне, перестав анализировать происходящее.

* * *

Сон Мити был более конкретным. Перед ним стояла Эльвира Набиулина в очках «а-ля стрекоза» и била по рукам линейкой, строго выговаривая:

– Кто это наделал? Кто?

– Я наделал? – уточнил Дмитрий Усачёв, отдёргивая руки и уточнил снова. – Но что наделал?

– Кто кредитов понабрал кто? – уточнила уже глава всех кредитов по области, району и даже стране, чтобы точно понял. – Я кому ставки возвращаю, чтобы не брали? А они что делают? Берут! Берут и берут!

– А, ну да! Брал! – не стал отнекиваться Митя, только обиженно добавил. – А чего они там лежат? Надо брать, пока дают!

– Не надо брать! – поправила Эльвира и снова добавила. – Надо жить по средствам. А нет средств – значит, не так уж и надо жить.

– Но как же бизнес? – возмутился Митя.

– Бизнес-хуизнес! – парировала дама в очках. – От него всё равно одни проблемы.

– А как же экономика?

– Экономика у гномика! – не стала лезть за словом в карман Эльвира и пообещала. – Ну ничего, я вам такую скоро ставку устрою, что вообще никто больше ничего брать не будет!

– Но зачем? – искренне не понимал Митя, уже кое-что зная по жизни о налогах, справках НДФЛ, и даже утильсборе, на который ещё ни один автомобиль не утилизировали, но скинуться заранее – надо.

– А, чтобы... было, – кивнула женщина, поправила очки и погрозила ему кулаком.

– Но! – хотел было снова возразить Митя, но спорить больше было не с кем. Эльвира ушла, а адреса куда – не сказала.

Тогда он открыл глаза и понял, что смотрит в белый потолок, на котором три люстры, каждая из которых с парой лампочек. А ещё что-то постоянно плачет рядом. Слева стояла капельница, а когда посмотрел направо, увидел краем глаза соседнюю кровать с капельницей и пищущим прибором, который был к кому-то подключён.

– О, проснулся? – вдруг донеслось от соседней кровати с лёгким акцентом.

– Где я? – спросил сухими губами Митя.

– Как где? В реанимации! – ответил человек с акцентом.

– А что я тут делаю? – не понял Митя, который точно помнил, что хотел научиться плавать, но жизнь заставила сразу летать.

– Видимо, отдыхаешь, – пожал плечами выздоравливающий на соседней кровати. – Или как говорил один режиссёр – порноактёру: – «Так, я не понял, ты сюда просто потрахаться пришёл или нормально, от души, поработать»?

Митя улыбнулся, подумав про себя «смешно дураку что хер на боку», но тут же раны дали о себе знать. Шок прошёл, а ощущения остались!

Болело буквально всё: лицо, руки, ноги, спина и колени. Но больше болела душа. В основном от того, что первые курсы по полёту уже взял, а в отношении плавания дальше желания и абонеента так и не продвинулся.

– Так, вы чего это разговорились? – вдруг появилась рядом с Митей медсестра и добавила грозным шёпотом, почти как Эльвира. – Это реанимация. Здесь нельзя разговаривать!

– Хо... хорошо, – добавил Митя и за это ему дали попить. Из пластиковой поилки, чтобы голову лишний раз не поднимал.

И они замолчали. Оба. Часа на два, за что даже покормили. А потом снова начали разговаривать. Шёпотом.

– Так кто ты, как тебя зовут? – пытался дознаться Митя, как будто пытался разговорить самоубийцу.

– О, если бы я помнил, то эта кровать и яркий свет вряд ли остановили бы меня, – ответил карлик, на котором ни одного перелома, только сотрясение мозга и царапин не счесть, но с этим жить можно. – Я как очнулся, только о любви и помню.

– Какой любви? – спросил Митя, на котором авария оставила гипс на правой ноге и левой руке.

– Любви к Любе, конечно, – уточнил сам от себя пострадавший. – А вот ты любишь кого-нибудь?

Митя задумался. Вопрос вроде философский. Но с другой стороны, вполне конкретный. Ответа требует. И он сказал решительно:

– Люблю!

– И как зовут твою любовь?

– Кира, – вздохнул Митя, но тут же поморщился от боли в рёбрах, пара из которых была точно сломана. – Кира Эдуардовна.

– О, какое красивое имя! – снова восхитился карлик, но тут же сам себя поправил. – Но не такое, как Люба. Любовь – красивее!

– Ну так ещё бы! – хмыкнул Митя и вдруг признался. – А я на первые хорошие деньги, что от оплаты кредитов в конце месяца, букет красивый купил.

– О, я как отсюда выйду, тоже Любе букет куплю. Роскошный! – тут же пообещал однопалатник. – Или с курьером пошлю, так как он будет настолько большим, что сам не донесу. Я потом из него шалаш в её комнате сделаю. И будем там сидеть, укрываясь от всех невзгод.

– Как же ты его подпишешь? От кого? – прикинул Митя, который хотя бы своё имя помнил, помимо обязательств перед банком.

– «От анонима» подпишу, – нашёлся потерпевший, но тут же вздохнул. – Только как теперь на него заработать? Я ведь даже не помню, что умею делать и кем работал. Хочется просто махать руками.

– Тоже мне нашёл проблему, – глядя в потолок, добавил директор клинингового агентства «Чистота – залог здоровья», который теперь больше думал о том, чем платить зарплату сотрудникам. Пару-тройку уже нанял на испытательный срок, но пока в больнице приходиться в себя будет, разбегутся ведь. – Руки-ноги на месте, значит можешь быть кем угодно. Да вот хотя бы... клининг-менеджером.

– Кем-кем? – тут же заинтересовался карлик.

– Ну, главным по горизонтальной уборке, – пошёл в обход Митя, активно избегая слова «уборщик», так как работать уборщиками люди почему-то не любили и на вакансию никто не откликнулся, а вот на клининг-менеджера пришло двое специалистов с дипломами историка и инженера. И ещё одна клюнула на «мастер по горизонтальной уборке» с неоконченным высшим.

Главное – правильный подход найти.

Но карлик был не так прост и сразу уточнил:

– Уборщиком, что ли?

– А что, если и уборщиком? – тут же пошёл ва-банк Дмитрий Усачёв. – Разве плохая работа? Зато соцпакет, отпуск и трудоустройство по трудовому договору со всеми соответствиями. Плюс премиальные. На букет на раз-два заработаешь.

– Да нормальная работа, – не стал спорить карлик, – только я, похоже, документы потерял. Кто ж меня на работу без документов возьмёт?

– Да я и возьму! – обрадовался Митя, ведь без документов можно было и плотить вполтину. – Пойдёшь?

– Пойду! – тут же согласился карлик. – Чего не пойти-то? Отсюда выйдем только и сразу пойдём. работать и за букетами.

– А ну-ка тише там! – уже рывкнула дежурящая медсестра и добавила угрозу посерьёзнее санкций. – А то оба без завтрака в отделение у меня переедете. А там до обеда голодать будете.

Голодать никто не любил. Оба тут же замолчали до самого утра, думая каждый о своём. Сразу видно, что медсестра тоже знает свой подход к любому человеку.

Так диаметрально противоположные люди и нашли друг друга в реанимации. Имеющие совершенно разные, порой просто противоположные взгляды, вкусы, черты характера или

убеждения, они встретились ровно в том месте, где это не имеет никакого значения. И даже тот факт, что «диаметр» происходит от латинского слова «diameter», что означает «прямой», и подразумевает полное, а не частичное расхождение, судьбу уже мало волновало.

Фатум давал обоим второй шанс, только пока оба даже не подозревали об этом.

Глава 7 – Ищу мужа, недорого

Вернувшись домой поздно вечером с весомой коробкой подмышкой, Кира сначала вдоволь накричалась на кота, начав прямо с порога:

– Лютый, ну сколько можно? Опять намочил?!

Орала не со зла, раздавая направо и налево негативную энергетику с работы, а сугубо за дело. Да вот хотя бы за обоссанный правый тапок, в который очень хотелось переобуться. Но глядя на грустного питомца, осторожно выглядывающего из-за угла, Солнцева тут же поняла, что животное не при делах. Просто это ей нужен срочный секс без обязательств, а тапки можно и постирать.

– Слушай, ну прости, – добавила она чуть тише, подбирая левый тапок, который ранее швырнула в движущуюся мишень. Тогда как другой сунула в раковину.

Теперь анализировать приходилось уже себя. Зачем кричит? Зачем нервничает?

Когда Лютый увернулся от пущенного снаряда, он тут же накричал на неё в ответ:

– Дура! Левый-то я для тебя сохранил в целости и сохранности! Не ценишь? Тогда оба мокрые будут! Береги то, что есть, пока не поздно. Это же как с водой по кранам. Вот есть у тебя горячая и холодная. Хорошо, потом обе отключили – плохо. Потом дали одну холодную – уже хорошо!

Конечно, сначала Кира обиделась на его слова, а потом – задумалась. И пришла к выводу, что ей нужны... обязательства без секса!

– Точно! Замуж хочу, – поделилась она с котом, пока отмывала тапок и подсыпала ему корма, оставив новую коробку с покупкой в коридоре. – Чтобы какой-нибудь окольцованный мужик решал все мои проблемы.

– Зачем тебе мужик? – уточнил Лютый. А то может, раз такое дело, они и кошку заведут? Всё одному не сидеть.

– Да вот хотя бы, чтобы мешки эти с наливным полом таскал. Подмышкой, а меня на плече с работы доставлял. Или на руках носил. Как полагается. Ну или с тренировки вечером, на которую я однажды запишусь, пусть хоть раз заберёт... на машине, – быстро прикинула Кира. – А если руки золотые, то ну их нахрен эти мешки.

– А ты ему что? – прикинул уже кот.

Видал он этих мужиков. Их тоже надо кормить. А это уже конкуренция. Съедят весь его корм и «спасибо» не скажут.

– А я его буду в ответ вкусно кормить, и сама дома пылесосить. Без робота, – ответила Кира, очень желая хоть с кем-то дома вечером поговорить помимо работы.

Ведь для себя ей пылесосить лень, а вот для других – можно постараться.

– Ха, нашла дурака! – ответил рыжий кот, хрустя аппетитными коричневыми шариками. Судя по запаху, но страшными на вид. И даже посмотрел на неё с укором. – Зачем тебе это? – и тут же сам предложил. – Ну хочешь я тебе и в левый тапок наосу?

– Зачем?

– Во-первых, для соучастия, а во-вторых, для симметрии, – предложил умный кот. – Всё равно они тебе не идут. Погрызенные какие-то. И все в шерсти. Зачем такие носить? Подумают ещё, что ты кошатница и сами первые убегут. Мужики эти. Они же только на тапки и обращают внимание.

– Но это ведь ты их и погрыз! – возмутилась Кира, следом подливая воды в другую миску. Уже не для симметрии, но для здоровья.

– А я и говорю – не красивые, – добавил кот, облизнувшись и тут же потребовал следом мягкий корм из пакетика. – Наваливай, не жалей. Сухой корм мне ещё в обед надоел. Потому тебе и отомстил. Через тапок. Ты просто не понимаешь эти посылы.

– А ты мог просто подождать до вечера?

– Ну... может и мог. Но... зачем? – прикинул кот и посмотрел на неё как на дуру. –

Будь ты, хозяйка поумнее, оставила бы сразу два пакетика с утра в миске, а не один. Я же страдал от обеда и до вечера!

– Лютый!

– С другой стороны, один всё же оставила, значит – не безнадёжна, – тут же «простил» её кот.

– Короче, так и напишу в анонимных знакомствах, – решила Кира, убирая следом кошачьи дары в лотке за день. – Ищу обязательства, но без секса.

– Обязательства без секса? – едва не поперхнулся кот от негодования.

– Потому что если написать «ищу мужа», то никто даже ухом не поведёт, – объяснила Кира.

– Ну пиши, раз так, – уже во всю вылизывался Лютый, показывая ей попутно большие мохнатые шары. Не как шар от боулинга, конечно, но тоже ощутимые. Визуально не потеряешь. – Только с ошибками пиши, а то подумают, что умная. А с такой дурой никто связываться не будет на свою голову, – подсказал Лютый, как познавший жизнь... в пределах отдельно взятых квартир.

– Не буду я с ошибками писать! – заспорила Кира, подумывая, что сделать сначала. Начать готовить ужин? Помыться и переодеться? Или распаковать умный пылесос, за которым пришлось на другой конец района ехать?

Решив, что пылесос сможет всё прибрать, пока будет мыться, Кира первым делом открыла коробку и углубилась в инструкцию. Она была предельно простая, так как все действия дублировались картинками. И даже пользователь, который не умел бы читать, всё бы понял.

– Это что? – настороженно спросил её кот, принявшись виться у ног и выпрашивать коробку.

– Это чтобы ты поменьше даров в лотке оставлял, когда я пылесосу обычным пылесосом, – ответила она, отдавая коробку, но не отрываясь от инструкции.

Размер коробки не имел значения. Лютый тут же просочился в неё, как жидкость. Из коробки отныне торчал лишь пушистый хвост, который нервно дёргался из стороны в сторону.

Кира тут же начала действовать, бурча под нос:

– Так, этот фильтр сюда ставить, в этот резервуар воды налить. Ага. Вот. Всё! Сломала! А, нет, просто щёлкнуло. Ага, теперь ставим на зарядку на док-станцию.

– ЭТО ЧТО? – повторил кот, вылезая одной головой из коробки и глядя ей прямо в глаза.

– Не переживай, – тут же успокоила его хозяйка. – Раньше, чем через час он убираться всё равно не будет, – отмахнулась она, и оставила умный пылесос с хитрым котом в одной комнате на зарядке, а сама удалилась в душ. Тяжесть дня отмывать. Вместе с потом и запахами общественного транспорта.

Всё-таки дойти до бытового магазина пешком налегке можно, а вот нести обратно пылесос в руке уже более проблематично. Пришлось прокатиться пару-тройку остановок в тесной связи с людьми, многие из которых даже не задумывались над своими психическими проблемами.

Сложив бельё в бельевую корзину, чтобы ни один кот не достал, Кира включила душ и поморщилась. Горячая вода была холодная! За день остыла. И теперь пока соседи не разберут, ещё не сразу нагреется.

Присев на корточки, скачала приложение для умного пылесоса, а затем по инерции

вошла в приложение для знакомств на телефоне, где сразу и написала: «обязательства без секса +1».

В комнате послышался шум!

Кира резко подорвалась в спальню. В голову почему-то закрались мысли, что сейчас Лютый перегрызёт все провода док-станции, что автоматически отменит уборку по умолчанию навсегда. А это значит – снова пылесосить с утра, и снова мучить не выспавшегося Толика.

Но Лютый сидел на подоконнике и смотрел на огрызок Луны, попутно сообщив ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.